

Блеск

Автор:

Рейвен Кеннеди

Блеск

Рейвен Кеннеди

Freedom. Золотая пленница #1

Фейри оставили этот мир нам. И править могут лишь те, кто наделен магией.

Золото.

Золотые полы, золотые стены, золотая мебель, золотая одежда. В замке Хайбелл из золота все.

Даже я.

Царь Мидас освободил меня. И тут же заточил в клетку. Меня называют его драгоценностью. Его фавориткой. Я девушка, которую он превратил в золото, чтобы показать всем свое превосходство. Та, которая принадлежит только ему. Кров и достаток в обмен на мою любовь. Мне нельзя покидать дворец. Только там безопасно. Так я думала.

Пока Мидас не решил заключить сделку и развязать войну. А я стала разменной монетой в его игре.

Доверия к Мидасу больше нет. Он совсем не тот, каким я видела его все это время.

Настало время выбраться за пределы золотых прутьев. Посмотрим, какова будет цена расплаты...

Рейвен Кеннеди

Блеск

Посвящается всем, кто пытается, но не может увидеть звезды. Продолжайте искать.

Raven Kennedy

Gild

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2020 by Raven Kennedy

All Rights Reserved

© Конова В., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

Глава 1

Я подношу к губам золотой кубок и наблюдаю через прутья своей клетки за извивающимися обнаженными телами.

Свет нарочито приглушен. За беспорядочно двигающимися в похотливом танце фигурами потрескивает пламя. Семь тел в едином порыве стремятся к удовольствию, пока я сижу здесь, в стороне, подобно очевидцу зрелищной схватки.

Царь призвал меня сюда пару часов назад, когда возжелал встречи со своим постоянно обновляющимся гаремом любовниц, которых также называют царскими наложниками. Сегодня вечером он решил развлечься в атриуме. Вероятно, потому, что здесь прекрасная акустика. Надо отдать ему должное – стоны и правда складно отдаются эхом.

– Да, мой повелитель! Да! Да!

Я округляю глаза и с жадностью глотаю вино, принуждая себя отвести взгляд и созерцать ночное небо. Атриум огромен, а стены его и куполовидный потолок целиком сделаны из стекла, поэтому вида чудеснее во всем дворце не сыскать. Правда... хотя бы что-то удастся рассмотреть, лишь когда перестает идти снег.

Сейчас же, по обыкновению, кружит снежная вьюга. С неба падают белые хлопья, предвещая к утру устлать стекла. Но пока я могу рассмотреть высоко в небе тонкие очертания одинокой звезды, выглядывающей из-за свинцовых туч и неясно вырисовывающейся своей белизной. Замороженный пар кучно стоит на страже неба, как скупец, который крадет у меня прекрасный вид и приберегает его для себя.

Но краешком глаза мне удастся уловить звезду, и я тому рада.

Интересно, в какой-то момент прошлые монархи из позабытых времен построили этот атриум, чтобы составить звездную карту и разгадать истории, оставленные в небе богами? Но потом мать-природа расстроила их замыслы, а эти

сторожевые тучи свели на нет царские труды и преградили нам путь к истине?

Или, быть может, давно ушедшие правители построили этот зал, чтобы наблюдать, как стекло покрывается изморозью и кружит метель, пока они стоят тут, нетронутые этой безбрежной белой стужей? Ореанские правители довольно спесивы, чтобы так поступить. И вот яркий тому пример... Я перевожу взгляд на царя, который в этот миг нещадно берет наложницу, пока остальные выставляют себя напоказ и резвятся ради его удовольствия.

Однако, возможно, я ошибаюсь. Возможно, это место построили не для того, чтобы мы смотрели в небо, а для того, чтобы боги наблюдали за нами. Возможно, прежние члены царской семьи тоже приводили сюда своих наложников в качестве наглядного подношения небесам и наслаждались беспутством. Если судить по некоторым историям, что я читала, боги – та еще похотливая шайка. Так что я, откровенно говоря, не стала бы исключать подобный вариант. Но я и не осуждаю их. Царские наложники очень искусны.

Вопреки тому, что меня сейчас вынуждают смотреть и слушать эти развратные действия, а верхушка купола завалена снегом, я все же люблю сюда приходить. Это место так близко к воле, где я могла бы почувствовать дуновение ветра или ощутить, как моя грудь наполняется свежим воздухом.

В чем же тут светлая сторона? Мне хотя бы ни разу не пришлось волноваться о том, обветрится ли кожа или стану ли я трястись от холода. Ведь, если уж на то пошло, вьюга действительно кажется холодной.

Я стараюсь сохранять радостный настрой, даже если сижу в специально построенной для меня клетке. В прекрасной тюрьме для прекрасной реликвии.

– О Боги! – выкрикивает в блаженстве Рисса, одна из наложниц, и прерывает мои размышления. У нее хриплый голос и светлые волосы, а ее лицо являет собой истинную красоту.

Не в силах ничего с собой поделаться, я перевожу взгляд на развернувшуюся передо мной сцену. Шесть наложников изо всех сил стараются впечатлить царя. Шесть – его счастливое число, поскольку он правитель Шестого царства Ореи. На самом деле царь несколько одержим шестеркой. Я постоянно вижу, как она его окружает. Будь то шесть пуговиц на сорочке, что пошили ему портные. Или

шесть зубцов на его золотой короне. Шесть наложников, которых он сегодня трахает.

В эту минуту его плотские желания удовлетворяют пять женщин и один мужчина. Слуги принесли кровать, чтобы царю было удобнее получать удовольствие. Похоже, им доставило немало хлопот разобрать это громадное ложе, поднять его по трем лестничным пролетам, а потом снова собрать – и только ради того, чтобы чуть погодя снова унести. Но мне какое до этого дело? Я всего лишь любимая наложница царя.

От этого выражения я морщусь нос. Гораздо лучше, когда люди называют меня любимицей царя. Так звучит намного приятнее, вот только суть от этого не меняется.

Я принадлежу ему.

Я закидываю ноги на прутья своей клетки и устраиваюсь поудобнее на подушках. Смотрю, как напрягаются ягодичные мышцы короля, пока он двигается в лежащей под ним девушке. Еще две женщины стоят на кровати на коленях по обе стороны короля и тянутся к нему обнаженными грудями, которые он сейчас ласкает обеими руками.

Царь особенно любит женскую грудь.

Я опускаю глаза на свой бюст, который в эту минуту завернут в золотой шелк. Мой наряд скорее напоминает тогу, чем платье, – полоски ткани скреплены на каждом плече и каскадом ниспадают вниз, а талия подпоясана золотыми цепями. Я вижу, касаюсь и ношу одно только золото.

Любое растение в этом атриуме, бывшее когда-то плодоносящим и зеленым, теперь просто безжизненный металл. Весь зал из золота, кроме прозрачных оконных стекол. Как и золотая кровать, на которой сейчас трахается царь; золотые чешуйки осыпают деревянные годовые кольца на каркасе. Пол из золотого мрамора, темные прожилки которого блестят в нем как застывшие илистые реки. Золотые дверные ручки, блестящие виноградные лозы, ползущие по позолоченным стенам, металлические колонны, простирающиеся к сводчатым проходам и поддерживающие все это богатство.

Здесь, в замке Хайбелл, принадлежащем царю Мидасу, все заключается в золото.

Золотой пол. Золотые оконные рамы. Ковры, картины, гобелены, подушки, одежда, блюда, рыцарские доспехи – черт возьми, даже комнатная птичка застыла в мертвенном лоске. Куда ни поглядишь, все – сплошное золото, золото, золото, включая сам дворец. Каждый камешек, перекладина и столб.

Внешняя сторона замка, должно быть, ослепительно сверкает на солнце. К счастью для тех, кто живет за пределами дворца, вряд ли солнце вообще когда-то выходит из-за туч. Если не падает снег, то идет дождь, а если нет и дождя, то обычно на подходе метель.

Здесь всегда звонит колокол, предупреждая о приближающейся метели и предостерегая не выходить из дома. Что до него, этого огромного колокола в самой высокой башне замка? Ну да, он тоже из чистого золота.

И, проклятье, какой же он громкий.

Я его ненавижу. Его звон громче шторма с градом, бьющего по стеклянному потолку. Но, полагаю, без надоедливого колокола было бы кошунством давать дворцу имя Хайбелл[1 - Highbell – в пер. с англ. «высокий колокол».]

Говорят, людям слышен его звон за много-много миль. Поэтому ослепительно-золотой замок со своим громким звоном выглядит несколько аляповато со склона заснеженной скалистой горы. Царю Мидасу не по душе изысканность. Он выставляет напоказ свою прославленную силу, и люди либо завидуют ей, либо в изумлении перед ним преклоняются.

Я подхожу к краю своей клетки, чтобы налить еще немного вина, но нахожу кувшин пустым. Хмуро смотрю на него, пытаюсь не обращать внимания на визги и мужские возгласы за моей спиной. Царь берет очередную наложницу, Полли, и ее похотливые стоны раздражают меня, как ноющий зуб, соприкоснувшийся со льдом, а грудь разрывает от ревности.

Мне действительно хотелось бы еще вина.

Вместо этого я хватаю с блюда, на котором лежат фрукты и сыр, виноград и запихиваю его в рот. Может быть, виноград забродит в желудке и я немного опьянею? Надежда умирает последней.

Набив наудачу рот виноградом, я возвращаюсь в угол и устраиваюсь на лежащих на полу бархатных золотых подушках. Скрестив лодыжки, наблюдаю за извивающимися телами, которые разыгрывают для царя чудное представление.

Тут три новеньких наложника, поэтому я еще не знаю их имен. Совершенно голый мужчина-новичок стоит над ложем, и, о Великие Боги, как он прекрасен! Его тело само совершенство. Понимаю, почему царь его выбрал. Потому что на него, с этим точеным рельефом и женственным лицом, очень приятно смотреть. Очевидно, когда мужчина не обслуживает Мидаса, он уделяет внимание своему телу, работая над каждым мускулом.

Сейчас мужчина опирается предплечьями на верхнюю балку кровати с балдахинном, а наложница сидит на нем, широко расставив ноги, пока он ее ласкает. Невозможно не отметить их равновесие и умение привлечь к себе внимание.

Третья новенькая стоит перед мужчиной на коленях и сосет его пенис, как будто высасывает из него яд от змеиного укуса. И... вот это да! Она и правда умелица. Теперь я понимаю, почему ее выбрали. Я наклоняю голову и беру себе на заметку. Сложно сказать, когда пригодится подобный навык.

– Мне надоело твое влагалище, – внезапно произносит Мидас и тут же заставляет Полли вылезти из-под него. Он шлепает предлагающую ему грудь девушку. – Твоя очередь. Поворачивайся задом.

– Конечно, мой повелитель, – мурлычет она, поворачивается и опускается на колени, высоко приподнимая попу. Мидас входит в нее, пока на его пенисе еще блестят выделения Полли, и женщина издает стон.

– Обманщица, – бормочу я себе под нос. Ни за что не поверю, что это может быть приятным.

Не то чтобы я знала не понаслышке. Хвала Богам, меня никогда не брали там.

Звуки в зале становятся громче, когда пара наложников достигает оргазма (уж не знаю, настоящего или они притворяются). Тем временем царь грубо входит в женщину, после чего с рыком проливает в нее семя.

Надеюсь, в этот раз он удовлетворен, потому как я устала и у меня кончилось вино.

Как только женщина под ним устало падает на кровать, царь снова шлепает ее по заднице – на сей раз прогоняя.

– Можете все возвращаться в гарем. Сегодняшним вечером вы больше не понадобится.

Его слова прерывают остальных наложников и сводят на нет их удовольствие. Мужчина продолжает раскачивать бедрами, но никто из них не жалуется, не дуется и не пренебрегает его приказом. Такой поступок стал бы откровенной глупостью.

Они быстро распутывают клубок из собственных тел и уходят голышом одним стройным рядом. Бедра некоторых до сих пор мокрые и липкие. Ночь была долгой.

Мне любопытно, доводят ли наложники в гареме дело до конца. Но я никогда этого не узнаю, потому что мне нельзя там находиться. Поэтому понятия не имею, какие между ними отношения, когда царя нет рядом. Мне вообще никуда нельзя ходить – только в своих клетках или в присутствии царя. Я – его фаворитка, а потому меня держат взаперти. Любимый питомец, которого защищают и оберегают.

Я внимательно наблюдаю за Мидасом после того, как уходит последняя наложница. Он надевает свой золотистый халат. Только от того, что он стоит тут, едва одетый и пресыщенный плотским удовольствием, у меня внутри все сжимается.

Мидас красив.

Он не мускулист, потому что ведет роскошный образ жизни, но от природы стройный и широкоплечий. Мидас молод для правящего царя, ему тридцать с небольшим, и на его лице еще проступают черты юности. У него загорелая кожа, несмотря на то что здесь всегда идут только снег и дождь, а волосы светлые с красновато-медовыми отливами, алый оттенок которых более заметен в свете свечей. У Мидаса темно-карие глаза, и есть у него какая-то харизма, обаяние. Именно его обаяние всегда меня очаровывает.

Я опускаю взгляд ниже, на суженную талию и очертания опустившегося пениса, который еще можно разглядеть под шелковистой тканью.

- Любуешься, Аурен?

Услышав свое имя, я резко отвожу глаза от его паха и смотрю на ухмыляющееся лицо. Щекам становится жарко, однако я пытаюсь скрыть смущение.

- Вид очень приятный, - приподняв плечо, отвечаю царю и насмешливо улыбаюсь.

Он хмыкает и с напыщенным видом подходит к прутьям моей клетки в конце атриума. Люблю, когда царь улыбается. От этого у меня в животе ползут гусеницы - не бабочки. Этим свободно летающим паскудам я завидую.

Мидас проводит взором от моих босых ног и до груди. Я сижу на своем месте, стараясь не шелохнуться, хотя под его испытующим взглядом хочется ерзать. Голова в ожидании запрокинута. Я научилась сидеть неподвижно, потому что ему так нравится.

Он очень медленно ведет взглядом по моему телу.

- М-м-м, выглядишь довольно аппетитно - так бы и съел тебя сегодня.

Я плавно поднимаюсь на ноги, и ткань моего платья ниспадает каскадом, скользит по кончикам пальцев ног. Затем подхожу к решетке и встаю напротив царя. Одной рукой обхватываю тонкие прутья, что нас разделяют.

– Вы могли бы выпустить меня из этой клетки и отведать лично. – Я стараюсь говорить лукавым тоном, сладострастно смотря на царя, хотя внизу живота все горит от желания.

Выпусти меня. Коснись. Возжелай меня.

Мой царь – человек сложный. Я знаю, что дорога? ему, но в последнее время просто желаю... большего. Я понимаю, что тут моя вина. Мне нельзя желать большего. Стоит довольствоваться тем, что имею, но тут я бессильна. Как бы хотелось, чтобы Мидас взглянул на меня так же, как я смотрю на него. Как бы хотелось, чтобы его грудь разрывало от желания, как разрывает мою. Но даже если король не в силах мне это дать, то я бы хотела, чтобы он просто проводил со мной больше времени.

Я знаю, что мое желание невыполнимо. Он – царь. Его постоянно тянет в тысячи направлений. У него есть обязанности, которые мне даже неведомо осознать. Стоит радоваться и тому, что я получаю от него хотя бы сколько-нибудь внимания.

Посему я прячу свое желание. Влечение скрыто в самой глубине моей души под тяжестью снежного покрова. Я отвлекаю себя. Пытаюсь найти опору. Занимаюсь любым доступным мне делом. Но сколько бы людей я ни видела каждый день, я все равно просыпаюсь в одиночестве и засыпаю точно так же.

Мидас в том не виноват, и нет никакого смысла дуться. Это ни к чему не приведет – а я живу в клетке, так что в этом я знаток.

Ухмылка Мидаса сменяется улыбкой от моего бесстыдства. Сегодня вечером он в игривом настроении, а в таком я вижу его нечасто, но люблю, когда это случается. Так я вспоминаю, какими мы были, когда только подружились. Когда я была всего лишь потерявшейся девочкой, а он ворвался в мою жизнь, показав мне другую, улыбнулся и напомнил, как смеяться.

Мидас еще разок оглядывает мою фигуру, и кожа теплеет от его льстивого довольного взгляда. Мое тело в форме песочных часов, с пышной грудью, бедрами и попой. Однако, когда люди впервые на меня смотрят, то замечают иное. Даже не уверена, что и царь замечает во мне что-то еще.

Когда люди на меня смотрят, они не обращают первым делом внимания на мои формы, им неинтересно то, о чем я думаю. Нет, их внимание поглощает совсем другое, и оно сияет на моей коже.

Потому что она – золото.

Не золотистая. Не загорелая. Не расписанная, испачканная или окрашенная. Моя кожа – настоящее, переливающееся, шелковистое, золоченое золото.

Я выгляжу в точности как и все остальное в этом дворце. Даже мои волосы и радужная оболочка глаз мерцают металлическим блеском. Я – ходячая золотая статуя, за исключением белоснежных зубов, белков глаз и дерзкого розового языка.

Я – необычное существо, ценный товар, сплетня. Я – фаворитка царя. Его заветная наложница. Та, которой он коснулся и превратил в золото. Та, что он держит в клетке на вершине замка. Мое тело хранит отпечаток его покровительства и господства.

Позолоченный питомец.

Я – сокровище царя Мидаса, правителя замка Хайбелл и Шестого царства Ореи. Люди слетаются стаями, просто чтобы взглянуть на меня и на его блестящий замок, который стоит дороже всех богатств в целом царстве.

Я – позолоченная пленница.

Но какая же красивая у меня тюрьма.

Когда Мидас стоит передо мной, усталость как рукой снимает.

Я целиком поглощена им, каждым нервом ощущая его интерес. Пока Мидас смотрит на меня, я пользуюсь случаем и окидываю взором красивые черты его гладкого лица, замечаю в глазах решительный напор.

И, смотря на царя, я начинаю прощать его за то, что привел меня сюда сегодня вечером. За то, что сделал безучастной наблюдательницей его удовольствия, которое он получил со своими наложниками.

Мидас поднимает руку и просовывает между прутьев решетки палец.

- Ты так дорога мне, Аурен, - шепчет он низким голосом, в котором слышится нежность.

Я замираю, чувствуя, как спирает в груди дыхание, а нервы будто царапают острый нож, и настораживаюсь. Мидас придвигается ближе и проводит пальцем по моей щеке. Кожу покалывает от прикосновения, но я стою все так же совершенно неподвижно. Я так возбуждена, что даже боюсь прикрыть веки из опасения, что это легкое движение вынудит его отстраниться.

Пожалуйста, не переставай прикасаться ко мне.

Я отчаянно хочу податься вперед и прильнуть к нему, протянуть руку через решетку и тоже его коснуться, но знаю, что мне нельзя. Поэтому стою как статуя, хотя и не могу скрыть появившийся в моих золотых глазах жадный блеск.

- Ты получила удовольствие от увиденного сегодня? - спрашивает он и осторожно ведет пальцами по краешку моей нижней пухлой губы. Я приоткрываю рот, опаяя дыханием подушечку его большого пальца, тепло притягивается к теплу.

- Я бы с гораздо большим удовольствием приняла в нем участие, - отвечаю я, очень внимательно следя за тем, как двигаются его пальцы вместе с моим ртом.

Мидас поднимает руку и касается моих волос. Он поглаживает пряди и смотрит, как они мерцают в свете свечей.

– Тебе ведь известно, что ты слишком дорога, чтобы сводить тебя вместе с остальными наложницами.

Я наигранно ему улыбаюсь:

– Да, мой царь.

Мидас отпускает мои волосы и щелкает по носу, а после вытаскивает руку из клетки. Нужно иметь много самообладания, чтобы не пошевелиться, не выгнуться телом, как ветка, клонящаяся на зов ветра. Мидас быстро отходит, и мне хочется потянуться к нему.

– Ты отличаешься от обычных наложниц, которыми пользуются каждый день, Аурен. Ты стоишь гораздо дороже. К тому же мне нравится, что ты всегда рядом, наблюдаешь за мной. Меня это возбуждает, – говорит он, пылко глядя в мои глаза.

Забавно, как ему удастся заставить меня почувствовать одновременно и непомерное желание, и глубокое разочарование.

Даже несмотря на то, что нельзя, я выражаю несогласие. И виной тому безнадежное желание, сковывающее нутро.

– Но другие наложницы гnevаются на меня, а слуги болтают. Вам не кажется, что пошло бы на пользу, если бы однажды ночью вы позволили мне принять участие, но касалась бы я исключительно вас? – спрашиваю, понимая, что выгляжу жалкой, но я изголодалась по нему.

Царь прищуривает карие глаза, глядя на меня, и я понимаю, что перешла все границы. Теперь внутри все переворачивается по совершенно иной причине. Я потеряла его. Я одним махом лишила наш разговор игривости, словно сорвала кусок пергамента.

Красивые черты лица застывают, очарование тает, как снег на углях.

– Ты – царская наложница. Моя фаворитка. Моя драгоценность, – отчитывает меня король, и я опускаю глаза на кончики пальцев. – Мне плевать, что болтают слуги и наложники. Ты моя, и я могу делать с тобой все, что пожелаю. И если хочу держать тебя в клетке, куда есть доступ исключительно мне, то это мое право.

Я осуждающе качаю головой. Глупая, глупая.

– Вы правы. Просто я подумала...

– Ты здесь не для того, чтобы думать, – резко отвечает Мидас, перебивая меня с необычной строгостью, от которой я охаю. Он был в таком хорошем настроении, а я все испортила. – Я плохо с тобой обращаюсь? – спрашивает он, разводя руками. Его голос гулко звучит в огромном зале. – Я дарю тебе мало удовольствия?

– Вы...

– В городе сейчас полно потаскух, которые живут в нищете, опорожняются в ведра и торгуют собой на улице, зарабатывая на пропитание своими дырками. И ты еще смеешь жаловаться?

Я резко закрываю рот. Он прав. Я могла оказаться в гораздо худшем положении. Я и была в таком. А он меня спас.

Светлая сторона: я любимица царя, и это дает мне множество преимуществ и протекцию, которых нет у других. Кто знает, что случилось бы, если бы царь меня не спас? В эту минуту я могла принадлежать ужасным людям. Могла жить там, где свирепствуют болезни и жестокость. Могла опасаться за свою жизнь.

Ведь таким раньше и было мое существование. Я стала жертвой торговли детьми. Много лет прожила в плену у плохих людей. Повидала слишком много подлостей.

Однажды я сбежала и жила с добрыми людьми, которых встретила впервые со смерти моих родителей. Я полагала, что избежала зверств жизни. Пока не пришли мародеры и не уничтожили и это. Я снова могла познать тяготы и беды,

но в мою жизнь ворвался Мидас и спас меня.

Он дал мне пристанище от безжалостного, жестокого насилия, раз за разом обрушивающегося на мою истерзанную душу, а потом превратил в свою прославленную статуэтку.

У меня нет права жаловаться или требовать. Когда я думаю о том, какая у меня могла быть жизнь... что ж, можно бесконечно перечислять неприятные события, но мне не нравится о таком думать. Когда я вспоминаю прошлое, то у меня начинается расстройство желудка, поэтому я предпочитаю довольствоваться настоящим. Ведь расстройство желудка вряд ли связано с количеством вина, что я пью каждый вечер. Я во всем ищу светлые стороны.

Заметив на моем лице раскаяние, царь Мидас тут же становится довольным собой, что сумел перенаправить мои мысли в иное русло. Его взгляд снова смягчается, и он проводит костяшками пальцев по моей руке. Будь я кошкой, то заурчала бы.

– Вот и моя драгоценная девочка, – говорит он, и беспокойство, от которого внутри крутило, немного ослабевает, потому что я ему дорога и так будет всегда. Между мной и царем есть связь, которую никому не дано познать. Никому это не по силам. Я знала царя еще до того, как он надел корону. Знала его до того, как люди с почтением преклонились перед ним. До того, как этот замок засиял золотом. Я пробыла с ним десять лет, и это время связало нас невидимыми узами.

– Простите, – говорю ему я.

– Все хорошо, – успокаивает он, ласково водя пальцами по моему запястью. – Ты выглядишь уставшей. Возвращайся в свои покои. Утром я тебя позову.

Я хмурюсь, когда он отстраняется.

– Утром? – допытываюсь я. Обычно царь не призывает меня до захода солнца.

Мидас кивает и отворачивается к выходу.

– Да, король Фульк завтра отбывает обратно в замок Рэнхолд.

Я с трудом сдерживаю явный вздох облегчения. Не выношу короля Фулька из Пятого королевства. Он озабоченный, безмозглый старикашка, обладающий силой удвоения предметов. С ее помощью он может удвоить все, к чему прикасается, но только один раз. Хвала Богам, на людей его сила не распространяется, иначе он бы давным-давно попытался создать мою копию.

Если я больше никогда не увижу Фулька, то это будет прекрасно, вот только они с моим царем уже много лет являются союзниками. Наши царства граничат, и потому Фульк приезжает сюда несколько раз в год. Обычно в сопровождении повозок, наполненных предметами, которые Мидас должен превратить в золото. Уверена, по возвращении в свой замок Фульк удваивает все предметы. Благодаря альянсу с Мидасом он очень разбогател.

Я толком не знаю, что мой царь получает взамен, но сильно сомневаюсь, что он увеличивает богатство Фулька по доброте душевной. Про Мидаса нельзя сказать, что он бескорыстный человек. Однако царь должен заботиться о себе и своем царстве. Кто я такая, чтобы судить его?

– О, – отвечаю я, понимая его намек. Король Фульк захочет увидеть меня перед отъездом. Он почти одержим мной и больше не пытается это скрывать.

Светлая сторона? Видя его влечение, Мидас уделяет мне больше внимания. Они словно дети, которые дерутся из-за игрушки. Когда Фульк в замке, Мидас меня прячет, чтобы лишить своего союзника шанса поиграть.

Если Мидас и замечает мое беспокойство, то ничего не говорит.

– Утром ты придешь в комнату для завтрака, пока мы будем трапезничать, – говорит он, и я киваю. – А сейчас возвращайся в свою комнату и отдохни, чтобы завтра выглядеть бодрой. Я отправлю за тобой, когда придет время.

Я склоняю голову.

– Да, мой царь.

Улыбнувшись напоследок, Мидас выходит из атриума, взмахнув мантией, а я оказываюсь одна. Атриум внезапно становится похожим на пещеру.

Я вздыхаю и смотрю на золотые прутья, которые огибают весь зал, и молча их ненавижу. Если бы только у меня хватило сил раздвинуть прутья и выскользнуть на волю. Дело даже не в том, что я бы убежала, потому что так бы никогда не поступила. Я знаю, как хорошо мне здесь. Но вот бы иметь возможность побродить в одиночестве по замку, пройти за Мидасом в его спальню... вот и вся свобода, что я жажду заполучить.

Просто ради забавы я хватаюсь за два прута и тяну изо всех сил.

- Давайте же, маленькие золоченые палки, - бормочу я, напрягая руки.

Надо признать, мне нечем похвастаться - мускулы у меня не сильно развиты. Стоило бы, наверное, воспользоваться предоставленным временем, чтобы поупражняться. Ведь не так уж я и занята. Я могла бы пробежаться от одного конца зала до другого, или вскарабкаться по перекладинам клетки и подтягиваться, или...

У меня вырывается смешок, и я опускаю руки. Мне скучно, но не настолько же. У того наложника с мускулами на животе, вероятно, больше мотивации.

Я смотрю через прутья на птичью клетку в отдалении, которая свисает с постамента. Внутри, на насесте, застыла птица из чистого золота. Если не ошибаюсь, раньше она была снежным воробьем. Грудка с белой отметиной под цвет снега, над которым она пролетала, расправив крылья против ледяного ветра. Теперь ее нежное оперение являет собой твердые металлические линии, крылья навсегда прижаты к ее маленькому тельцу, а из горла не доносится ни звука.

- Монетка, не смотри так, - говорю я ей. Она смотрит на меня немигающим взглядом.

- Я знаю, - вздохнув, произношу я. - Знаю, как важно Мидасу, чтобы я, как и ты, сидела в своей безопасной клетке, - говорю я, наклонив голову, а потом окидываю взором предметы роскоши в пределах досягаемости.

Еда, подушки, дорогая одежда. Большинство убило бы за такие сокровища, и это не просто фигура речи. Люди и правда за такое убивают. Нужда – жестокий вдохновитель. Мне прекрасно это известно.

– Он ведь не пытался лишиться меня удобств. Нельзя быть такой жадной и неблагодарной. Все могло быть намного хуже, согласна?

Птица просто смотрит на меня, а я приказываю себе перестать разговаривать с неодушевленным предметом. Она испустила свой последний вздох давным-давно. Я уже и не помню, как звучала ее трель. Но, думаю, песня ее была прекрасной, пока птица не застыла блестящей молчаливой тенью.

Так выйдет и со мной?

Через пятьдесят лет мое тело застынет, как эта птица? Мои внутренности срастутся, голос смолкнет, язык отяжелеет? Белки глаз станут кровоточить, а веки навсегда останутся открытыми и будут смотреть в никуда? Может, это я окажусь на насесте, навеки застыв, а люди станут заглядывать, разговаривать со мной через решетку, но я не смогу им ответить.

Вот мой страх, в котором я никогда не признаюсь. Кто знает, подвергнется ли изменениям эта сила? Может, однажды я и правда стану статуей.

А пока я могу лишь продолжать петь, ерошить свои пресловутые перья. Продолжать дышать полной грудью, которая еще поднимается и опускается, как солнце. У нас с Монеткой разные обстоятельства. Во всяком случае пока.

Повернувшись, я провожу рукой по решетке, а потом опускаю. Светлая сторона, Аурен. Ты должна искать светлые стороны.

Например, довольствоваться тем, что клетка у меня совсем не тесная. Мидас на протяжении многих лет постепенно расширял ее, пока она не охватила весь верхний этаж дворца. Он приказал рабочим соорудить дополнительные дверные проемы в задней части комнат, и теперь они оборудованы зарешеченными проходами, выходящими в большие круглые клетки. Все это он сделал ради меня.

Я могу добраться до атриума, гостиной, библиотеки и царского зала для завтраков, а также до своих личных комнат, которые занимают все северное крыло. Здесь больше места, чем у многих людей в царстве.

Мои личные покои состоят из ванной комнаты, гардеробной и спальни. Роскошное жилище с гигантскими птичьими клетками, встроенными друг в друга и соединяющимися зарешеченными проходами, которые позволяют мне переходить из одной комнаты в другую, чтобы не приходилось покидать свою клетку, если Мидас не придет меня сопровождать. Но даже тогда он обычно ведет меня только в тронный зал.

Бедная золотая любимица. Я понимаю, какие неблагоприятные мысли населяют мою голову, и ненавижу их. Они как гноящийся глубокий порез. Я продолжаю его царапать, раздирать, хотя и знаю, что нельзя к нему прикасаться, что должна дать ему зажить и зарубцеваться.

У меня великолепные покои, и все вокруг такое изящное, но роскошь давно перестала меня прельщать. Полагаю, этому суждено было случиться, если вспомнить, как долго я тут пробыла. Какая разница, что твоя клетка из чистого золота, если ее запрещено покидать? Клетка таковой и останется, какой бы позолоченной она ни была.

И в том вся суть. Я умоляла его спасти и защитить меня. Он выполнил обещание. Это я все порчу. Это мой разум меня совращает, нашептывая мысли, на которые я не имею права.

Порой, когда выпиваю немало вина, мне удается забыть, что я в клетке, удается забыть о докучающем порезе. Поэтому я пью много.

Выдохнув, я поднимаю глаза на стеклянный потолок и замечаю, что с севера принесло больше облаков и их пушистые очертания освещает прячущаяся за ними луна.

Сегодня ночью замок, наверное, засыплет снегом. Не удивлюсь, если к завтрашнему утру все окна атриума полностью покроет белым порошком и толстой ледяной коркой, а небо снова от меня спрячется.

Светлая сторона? Пока я еще могу углядеть одиноко сияющую в ночи звезду.

Помню, когда я была маленькой, мать рассказывала, что звезды – это богини, которые ждут своего рождения из света. Красивая история для маленькой девочки, которая одним махом потеряет семью и дом.

Однажды в ясную звездную ночь меня, пятилетнюю, вытащили из постели. Я и остальные дети, жившие по соседству, шли гуськом, пока поблизости раздавались звуки борьбы. Теплым вечером мы шли крадучись в поисках укрытия, а вокруг царил опасность. Я плакала, пока родители осыпали меня поцелуями, но они велели мне уходить. Быть храброй. Убеждали, что скоро мы снова встретимся.

Один приказ, один призыв, одна ложь.

Но кто-то, должно быть, знал, что нас увозят. Кто-то проболтался. Так что, улизнув, нам не удалось найти безопасное место. Не успели мы выбраться из города, как из тени напали воры, как будто специально нас поджидали. наших сопровождающих зарезали. Горячая кровь брызнула на ошеломленные детские личики. От этого воспоминания до сих пор жжет глаза. Именно тогда я поняла, что проснулась во время кошмара.

Я попыталась кричать о помощи, позвать родителей, сказать им, что все пошло наперекосяк, но мне в рот засунули кожаный кляп, на вкус отдающий корой дуба. Я плакала, когда нас украли. Текли слезы. Шаркали ноги. Сердце стучало гулко-гулко. Дом исчез. Я слышала крики, лязг металла и плач, но еще была тишина. Тишина – самый пугающий звук.

Я смотрела на эти светящиеся скорлупки в черном небе и умоляла богинь родиться и спасти нас. Вернуть меня в мою постель, к моим родителям, в безопасный дом.

Но они не услышали мои молитвы.

Можно подумать, что я в обиде на звезды, но это не так. Потому что, всякий раз смотря на них, я вспоминаю мать. Или хотя бы то, что еще о ней не забыла. Обрывки воспоминаний, за которые я отчаянно хватаюсь уже двадцать лет.

Но память и время – не друзья. Они не признают друг друга, спешат в разные стороны. Они натягивают связывающие узы, угрожая их разорвать. Они сражаются, а мы почему-то проигрываем. Память и время. Когда имеешь одно, всегда теряешь другое.

Я не в силах вспомнить, как выглядело лицо моей матери. Не помню тембра отцовского голоса.

Померкло и ощущение их рук, когда они обнимали меня в последний раз.

Одинокая звезда в небе подмигивает мне, но перед глазами все расплывается от скопившихся слез. Через мгновение звезду заволакивают кучные облака и скрывают ее из виду, а сердце начинает скрести боль разочарования.

Если эти звезды и правда богини, ожидающие рождения, то стоит предупредить их оставаться в безопасности мерцающего света. Потому что здесь, внизу... жизнь здесь темная и одинокая, с громкими колоколами и малым количеством вина.

Глава 3

Утром меня будит чертов колокол, и в глазах снова начинает пульсировать от головной боли.

Я резко открываю заспанные глаза и тру их, чтобы развеять дымку. Когда сажусь, бутылка вина, которая, видимо, лежала у меня на коленях, падает на золотой пол и откатывается в сторону. Я оглядываюсь и вижу двух царских стражников, стоящих на дозоре возле решетки.

Клетка занимает бо?льшую часть комнаты, но стражникам, когда они совершают обход, хватает места, чтобы пройтись по всем комнатам.

Я быстро стираю со рта слюну и потягиваюсь в ожидании, когда колокол перестанет непрестанно трезвонить.

Из-за алкоголя, который я потребила вчера вечером, перед тем как уснуть, голова слишком чувствительна к звукам.

– Заткнись, – ворчу я, потирая руками лицо.

– Самое время проснуться, – раздается вдруг голос.

Я смотрю на стражников и замечаю Дигби, который стоит на дозоре у двери. Он самый пожилой среди них, с седыми волосами и густой бородой; мужчина приставлен ко мне уже давно, много-много лет назад. Он донельзя правильный и серьезный и всегда отказывается поболтать со мной или поиграть в одну из моих пьяных игр.

Но страж, который говорит, новенький. Вопреки похмелью я тотчас оживляюсь. Нечасто ко мне приставляют новичков.

Я изучаю новобранца. Кажется, будто ему недавно исполнилось семнадцать зим, на лице еще есть отметины оспы, а тело нескладное. Наверное, его только призвали из города. Все вступившие в зрелую пору мужчины немедля поступают на службу в армию царя Мидаса, если у них нет прав на земледелие.

– Как тебя зовут? – спрашиваю я и, подойдя к решетке, обхватываю руками прутья.

Юноша резко переводит на меня взгляд и поправляет свои золотые доспехи, на грудной части которых гордо сияет герб в виде колокола.

– Джок.

Дигби испепеляет его глазами:

– Не болтай с ней.

Джок задумчиво кусает губу:

- Почему?

- Потому что таков приказ – вот почему.

Джок пожимает плечами, и я с растущим любопытством наблюдаю за их разговором. Интересно, а он когда-нибудь согласится поиграть со мной?

- Думаешь, дырка у нее тоже золотая? – внезапно спрашивает Джок и, наклонив голову, смотрит на меня.

Поняла, выходит, он не заинтересован в пьяных играх. Учту.

- Невежливо говорить об интимных частях тела в присутствии этого человека, – язвительно говорю ему я, и от моей бесцеремонности его брови в удивлении взлетают вверх.

- Но ты наложница, – нахмурившись, спорит он. – Ты интересна именно этим.

Ничего себе. Оказывается, Джок – тот еще мерзавец.

Я сжимаю золотые прутья и смотрю с прищуром на юнца.

- Наложницы хороши не только этим. Обычно у нас еще отменные сиськи, – сухо отвечаю я.

Вместо того чтобы уловить мой едкий тон, он просто пребывает в радостном волнении. Думается, Джок к тому же еще и идиот.

Дигби поворачивается к нему:

- Осторожнее, парень. Если царь услышит, что ты обсуждаешь тело его фаворитки, то насадит твою голову на золотой кол быстрее, чем ты успеешь произнести «вот же черт».

Джок обводит меня взглядом, словно и вовсе не слушает Дигби.

– Я лишь хочу сказать, что она настоящее украшение, – отвечает он, явно не желая затыкаться. – Я считал мифом слухи о том, что царь Мидас позолотил свою любимую наложницу. – Джок почесывает взъерошенные волосы цвета грязи. – Есть идеи, как он это сделал?

– Что сделал? – с откровенным раздражением спрашивает Дигби.

– Ну... разве все, к чему он прикасается, не должно превращаться в чистое золото? Тогда разве она не должна быть сейчас статуей?

Дигби смотрит на него как на дурака:

– Оглянись, мальчишка. Что-то царь превращает в золото, а что-то просто сохраняет свою форму и становится золотым – вроде портьер и прочего хлама. Черт возьми, я понятия не имею, как ему это удастся, да мне и плевать, потому что это не входит в мои обязанности. Моя обязанность – охранять верхнее крыло замка и его фаворитку, что я и делаю. Будь ты умным малым, то взял бы с меня пример и перестал трепаться. А теперь иди, совершай свой обход.

– Хорошо, хорошо. – Пристыженный, Джок бросает на меня еще один пытливый взгляд, после чего отворачивается и исчезает за дверью, чтобы обойти этаж до конца.

Я качаю головой:

– Ох уж эти юные стражники. Все они идиоты, я права, Диг?

Дигби просто глядит на меня и, повернувшись спиной, смотрит прямо перед собой, застыв в сторожевой позе. За столько лет в его компании я поняла, что он крайне серьезно относится к своим обязанностям.

– Лучше подготовьтесь, леди Аурен. Уже поздно, – угрюмо отвечает он.

Я вздыхаю и, прижав большой палец к пульсирующему виску, бреду к арке, ведущей к зарешеченному проходу, разделяющему мои комнаты. Я прохожу через него и иду в гардеробную, а Дигби тем временем продолжает стоять в другой комнате, предоставив мне возможность уединиться.

Некоторым стражникам нравится переходить границы дозволенного и следовать за мной по ту сторону клетки. В таких случаях я радуюсь, что нахожусь за решеткой. Благо с потолка у меня здесь свисает золотистая ткань. Она накрывает часть клетки, поэтому я могу переодеться без посторонних глаз. Однако я почти уверена, что за тканью видна тень моего силуэта, и поэтому эти мерзавцы следуют за мной по пятам.

Но волноваться из-за того, что Дигби будет похотливо глазеть на мою тень, нет нужды. Он ни разу не проявил наглости и не пытался украдкой посмотреть на меня, как остальные. Если вдуматься, наверное, как раз поэтому он был моим стражником столько лет. Остальные продержались недолго. Неужели царь Мидас насадил их головы на золотые колы?

Сегодня утром в моей гардеробной темно и мрачно. На потолке всего одно окно, но оно обычно покрыто снегом, и сегодняшний день не исключение. Второй и единственный источник света – фонарь на столе. Я быстро пополняю его горючим и зажигаю пламя, а потом в мягком свечении приступаю к утренней рутине. Мидас сегодня утром меня вызовет, поэтому нельзя мешкать с подготовкой.

Я оглядываю вешалки с платьями. Все они, конечно, сделаны из золотой ткани и расшиты золотыми нитями. Я – фаворитка Мидаса и потому никогда не была замечена в чем-то менее подобающем.

Перебрав все, я снимаю платье с завышенной талией и с голой спиной. У всех моих платьев нет спинки. Это необходимо из-за моих лент.

За неимением лучшего слова, я называю их лентами. По обеим сторонам позвоночника, от плеч до копчика, у меня растут две дюжины золотых лент. Они тоже длинные, поэтому волочатся по полу, как шлейф платья.

Большинство считают, что ленты просто дополнительное украшение моих платьев. Люди даже не подозревают, что они растут из спины. Откровенно говоря, это стало и для меня неожиданностью. Они выросли незадолго до того, как меня спас Мидас. И это тоже не прошло безболезненно. Когда они вырастали из моей спины, медленно удлиняясь с каждым днем, пока наконец не перестали, я несколько недель металась ночами в поту от жгучей боли.

Насколько мне известно, в Орее я единственный человек, у кого есть ленты. Разумеется, все члены царской семьи обладают магией. Без нее они не могут принять корону. У некоторых простолюдинов тоже есть магические силы. Однажды я видела паяца, у которого каждый раз, когда он хлопал или щелкал пальцами, вырывались вспышки света. Небольшое приятное представление театра теней.

Но мои ленты не просто красивы или необычны. Это не просто трюк, которым можно похвастать в тронном зале. Они хваткие. Я могу управлять ими, как могу управлять руками и ногами. Обычно ленты просто ниспадают у меня за спиной как пружинящая ткань, но я умею передвигать их, когда захочу, а еще они сильнее, чем кажутся.

Сняв ночную сорочку, я оставляю мятую ткань лежать грудой возле решетки, откуда позже служанки заберут ее для стирки. Я надеваю новое платье, поправляю драпировку, чтобы она лежала как надо и прикрывала все, что должно быть прикрыто.

Сев за туалетный столик, я смотрю в зеркало. Мои ленты поднимаются за спиной, проскальзывают в волосы и завязывают их в причудливые косы, пока не создается впечатление, что на макушке у меня сплетение косичек, а потом каждая золотая прядь, свисающая по спине, свивается на затылке.

У меня густые волосы, но поскольку царь относится ко мне как к своей собственности, то никого не подпускает. Даже цирюльника. Выходит, остается стричься самой, а я в этом не мастак.

После одного особенно драматичного инцидента с прической я два месяца носила косую челку, пока она наконец не отросла так, что ее можно было заправить за уши. Мне отнюдь это не шло. После того позорного провала я избегала ножниц как огня и просто срезала посеченные кончики, потому что усвоила урок.

Хотя, честно говоря, не уверена, что даже прямая челка мне бы пошла. Нельзя принимать решение насчет шевелюры, когда выпиваешь целую бутылку вина.

Уложив волосы, я встаю из-за столика и возвращаюсь в спальню, и в эту же минуту входит служанка. Слегка запыхавшись от подъема по лестнице, она

обращается к Дигби:

- Царь Мидас вызывает фаворитку в зал для завтраков.

Дигби кивает ей в ответ, и женщина спешно ретируется, напоследок бросив на меня беглый взгляд перед тем, как скрыться за дверью.

- Готовы? - спрашивает у меня Дигби.

Я оглядываюсь и постукиваю пальчиком по губе.

- На самом деле перед тем, как уйти, мне нужно выполнить несколько поручений. Увидеться с парой людей, кое-что сделать. Ты же знаешь, что я очень занята, - изогнув в усмешке губы, отвечаю я.

Однако Дигби не сдаётся и не поддерживает со мной шутивную беседу. Этот мужчина даже не улыбается. В ответ я вижу лишь терпеливый взгляд.

Я вздыхаю:

- Диг, ты будешь когда-нибудь смеяться над моими шутками?

Он медленно качает головой.

- Нет.

- Однажды я сотру с твоего лица эту показушную грубость верного стража. Просто подожди.

- Если вы так настаиваете, леди Аурен. Вы готовы? Нельзя заставлять ждать царя Мидаса.

Я выдыхаю, желая, чтобы головная боль стала потише перед вынужденной встречей с королем Фульком.

– Прекрасно, я готова. Но тебе действительно нужно поработать над своей манерой поведения. Небольшая светская беседа пришлась бы кстати. Неужели время от времени нельзя немного пошутить с другом?

Дигби просто смотрит на меня карими глазами с пустым выражением лица.

– Ладно, ладно, иду, – ворчу я. – Увидимся через восемьдесят две секунды, – добавляю я с намеком на язвительность и посылаю воздушный поцелуй. – Буду по тебе скучать.

Повернувшись, я выхожу из спальни и бреду в другую сторону клетки, которая ведет в коридор, построенный специально для меня. В шелковых туфлях я ступаю по золотому полу, а за мной волочатся ленты и подол платья.

Здесь темно, но узкий коридор тянется всего футов десять, а затем я вхожу в огромную библиотеку, пахнущую пыльным пергаментом и стоячим воздухом, несмотря на то что слуги тут убирают.

Я прохожу через закрытую клеткой часть библиотеки к другому темному коридору, потом мимо атриума, а вскоре добираюсь до коридора, который ведет в зал для завтрака. Приблизившись к арке, я на миг замираю и прислушиваюсь, еще раз потирая ноющий висок. Слышу, как царь Мидас разговаривает со слугой, и звон тарелок, когда их ставят на стол.

Сделав вдох, я направляюсь через дверные проемы в небольшую клетку, которая выходит в комнату. По другую сторону решетки тянется длинный обеденный стол, уставленный ровно шестью блюдами с едой, шестью кувшинами с напитками и шестью букетами цветов из чистого золота в тон тарелкам и кубкам. Счастлирое число Мидаса и фетиш на золото – неизменные его спутники.

Желудок сводит при виде еды, и я радуюсь, что мне не придется с ними трапезничать. Полагаю, было бы неуместно залить тошнотой накрытый угощениями стол.

В комнату сквозь окна проникает серый от снега свет, и все это великолепие отчего-то кажется тусклым. В камине бушует пламя, но, сколько бы огня тут ни разводили, тепла все равно не хватает. Огонь всего лишь прогоняет беспрестанный холод.

Я тут же нахожу глазами царя Мидаса, сидящего во главе стола и одетого в красивую тунику. Золотая остроконечная корона идеально сидит на уложенных светлых волосах.

Король Фульк расположился от него по левую сторону, и с его пояса свисает жирный живот. В соответствии с установившейся в Пятом королевстве модой на нем бархатные лосины. А еще темно-фиолетовая туника в тон цвета его королевства. Золотая корона сидит криво на лысой голове, словно небрежно напоминая о его правлении. В нее вставлены фиолетовые драгоценные камни размером с мой кулак.

Мне неведомо, был ли Фульк в молодости красивым мужчиной. Теперь я вижу лишь морщинистую кожу и чересчур жирное тело. Но гораздо большее отвращение я испытываю к его пожелтевшим из-за частого курения трубки зубам. И к вожделению в его глазах, когда он на меня смотрит. На самом деле именно оно объединяет его с царем Мидасом.

Сейчас его ноги украшены не только бархатными чулками. На каждом его бедре сидит по светловолосой, скудно одетой наложнице. Женщины кормят его выпечкой и фруктами, исполняя свои обязанности «все включено».

Полли сидит на одной ноге, а Рисса седлает другую и хихикает, угощая его ягодами и своими губами, а он ласкает их груди. Наверное, вот к такому завтраку он привык.

Увидев, как я вхожу, женщины бросают на меня раздраженные взгляды, а затем демонстративно игнорируют. Я им не очень-то нравлюсь. Не только потому, что я фаворитка царя, но и потому, что любимица Фулька, которую он жаждет заполучить всякий раз, как приезжает с визитом.

Полагаю, они просто считают меня соперницей. Всем прекрасно известно, что происходит с царскими наложницами, когда они отживают свое. От них избавляются и заменяют более юными, упругими, красивыми любовниками.

Правда, я убеждена, что если бы Полли и Рисса провели со мной немного времени, я бы им все же понравилась. Я ужасно забавная. Такой мне и суждено быть, когда мой единственный источник общения – я сама. Я бы не хотела

наскучить себе до смерти.

Может быть, я подожду, пока Мидас будет в хорошем настроении, а потом спрошу, не может ли кто-нибудь из девушек прийти и как-нибудь вечером составить мне компанию. Мне действительно не помешало бы общение с кем-то, кроме непоколебимого молчуна Дигби.

К слову, о Дигби. Он и еще пятеро царских стражников стоят по стойке «смирно» у дальней стены и даже не моргают при виде этого эротического завтрака. Какая безупречная выдержка!

Остальные мужчины, сидящие за столом с царями, – их советники, а рядом стоят еще две наложницы, одна из которых массирует плечи соратнику Фулька, а другая продолжает кокетливо поглядывать на другой конец стола.

– О Драгоценная, – довольно высказывается царь Мидас, заметив мое приближение. – Ты присоединилась к нам за завтраком.

Разумеется, я присоединилась, ведь ты сам мне приказал.

Но вслух этого не произношу. Я киваю и скромно улыбаюсь, а затем сажусь на табурет с подушками, который стоит перед моей арфой. Начинаю осторожно перебирать струны, потому как знаю, что этого хочет мой царь. Я здесь ради представления.

Всегда все происходит по установленному плану. Когда сюда приезжает чужеземная делегация из других царств, королю Мидасу нравится выставлять меня напоказ. Я сижу в зале для завтраков, в своей клетке, где ничто не угрожает, а гости пожирают меня глазами и восхищаются размахом власти Мидаса, угощаясь яичницей и фруктовыми пирогами.

– М-м-м, – набрав в рот еды, произносит король Фульк и пережевывает, не переставая на меня глазеть. – Мне доставляет удовольствие смотреть на твою позолоченную потаскуху.

Услышав это определение, я негодую, но держу спину прямо. Знаете, что может быть хуже обращения как с наложницей? Когда вас называют потаскухой. Мне

уже пора привыкнуть к такому обращению, но я не могу. Хочется наброситься лентами на короля Фулька и врезать ему по паху. Однако я просто меняю звучание на арфе и играю одну из моих любимых мелодий, «Хлопни его по причиндалам». Думаю, эта песня идеально подходит под мое настроение.

Царь Мидас кусает фрукт и усмехается.

– Я в курсе.

Фульк задумчиво на меня смотрит.

– Уверен, что не передумаешь и не позолотишь одну из моих наложниц? – спрашивает он, сминая попку Полли, которая сидит у него на бедре.

Мидас качает головой.

– Нет. Этой чести удостоена только моя Аурен, – спокойно отвечает он. – Мне нравится выделять ее среди остальных.

Фульк что-то разочарованно крякает, а я прикусываю губу от удовольствия, что Мидас заявляет на меня права. Полли и Рисса обмениваются откровенно недовольными взглядами и начинают ласкать друг друга за столом, словно желая снова привлечь к себе внимание.

– Теперь я понимаю, почему ты ее выбрал, – говорит Фульк, не замечая, как Рисса водит рукой по его промежности. – По красоте ей равных нет.

Кожу покалывает под его рыскающим взглядом и от резких взглядов, которые кидают на меня Рисса и Полли. Вот только, судя по блеску в глазах Мидаса, я понимаю, что он доволен. Он испытывает чувство огромного удовлетворения, когда люди завидуют тому, что принадлежит ему.

– Конечно, она красива, – самодовольно заявляет мой король. – Ведь она моя.

Лицо у меня горит, от его властного тона вдруг становится очень тепло. Я бросаю на него взгляд сквозь струны арфы, меняя пальцами мелодию в качестве подношения.

Фульк переводит взгляд на Мидаса.

– Одна ночь, Мидас. Я щедро тебе отплачу за одну ночь с ней.

Мои пальцы скользят по струнам. В воздухе повисает фальшивая нота, испортившая мое любимое крещендо. Я устремляю золотые глаза на своего царя. Разумеется, Мидас откажется, но, всемилостивые Боги, поверить не могу, что Фульк осмелился о таком просить. Покарает ли Мидас царя Фулька за то, что тот произнес эти слова? Он сделает это здесь же, за накрытым столом?

Когда в комнате повисает полнейшая тишина, внутри у меня все переворачивается. Однажды один из финансовых послов Мидаса сказал нечто похожее, и мой король отрезал ему поочередно пальцы на ногах и руках, а потом бросил их в чан с расплавленным золотом и повесил на дверь этого мужчины. Жестоко? Бесспорно. Но это стало намеком всем, кто слишком похотливо глазел и проявлял чуточку больше дерзости.

Стражники и наложницы с тревогой наблюдают. Мы все ждем ответа, затаив дыхание. Советники королей с беспокойством смотрят на монархов, мои пальцы замирают на струнах. Тишина – это совсем иная песня.

Царь Мидас аккуратно кладет вилку и пристально смотрит на Фулька. В воздухе повисает долгая пауза. Сердце гулко стучит в груди, и я жду, что он сделает Фульку замечание, устроит ему разнос.

Мидас кладет руку на подлокотник кресла, подпирает подбородок рукой и смотрит на второго короля. А вот теперь внутри у меня все сжимается по совершенно иной причине. Потому что в глазах моего царя появляется блеск, и я интуитивно чувствую, что он задумывается над этим вопросом.

О Боги, неужели он всерьез рассматривает предложение Фулька?

Глава 4

Нет. Не может быть.

Ни за что не поверю, что мой царь всерьез обдумывает отдать меня другому мужчине. Мидас никогда и никому не позволит мной завладеть. Он слишком ревностно ко мне относится, любит, ценит. С тех самых пор, как спас меня верхом на коне.

Но время идет, а он молчит, и внутри у меня все переворачивается.

- Ну, твое слово? - требует ответа Фульк. - Обозначь цену.

Мидас склоняет голову набок, и горло обжигает желчь. Что за чертовщина?

Наконец Мидас поднимает руку и обводит ею комнату, словно напоминая Фульку об окружающем его убранстве.

Золотые стены, золотые потолки, золотые полы. Золотой камин, портреты и оконные рамы. Золото, золото, золото.

- Если ты вдруг не заметил, то деньги мне не нужны. Богатства у меня больше, чем у остальных пяти королевств, вместе взятых, включая твое. Я самый богатый человек на свете. - Хвала Богам.

Вместо того чтобы оскорбиться, Фульк просто отмахивается от Мидаса.

- Я не про деньги. Ведь чего-то ты все же желаешь.

В страхе я смотрю то на одного короля, то на другого. Головная боль вновь разыгрывается в полную силу. Кровь в виске стучит как мучительная дробь военного барабана. Бой, предвещающий угрозу. Мерный и зловещий ритм.

Как такое возможно?

Обычно король Фульк только бросает сальные комментарии, что бы он «со мной сделал», но Мидас никогда ему не потворствует, и дальше слов дело не заходит, поскольку мой царь всегда осаживает своего гостя. Но сейчас все зашло куда дальше. Фульк наглеет, а Мидас... Мидас смотрит на Фулька хитрым взглядом, который прекрасно мне знаком. Взглядом, по которому я понимаю, что мой царь раздумывает над предложением.

Предчувствие беды кружит внутри темным водоворотом.

Один из советников Фулька с обеспокоенным лицом осмеливается наклониться к нему:

– Ваше величество...

– Молчать! – даже не удостоив того взглядом, приказывает Фульк.

Мужчина резко захлопывает рот и переглядывается с остальными.

Когда Мидас подается вперед, я, затаив дыхание, вторю его жесту.

Мидас поднимает палец с коварным выражением лица:

– За одну ночь с ней ты отдашь мне свою армию для нападения, которое я нанесу на следующей неделе. Хочу, чтобы сегодня же твои войска пришли в боеготовность и догнали мою армию у границ Четвертого королевства.

Что?

Меня охватывает потрясение. Я задыхаюсь от шока и сжимаю пальцами струны арфы, словно пытаюсь ухватиться за реальность и раздвинуть ее границы. Я так крепко стискиваю струны, что натянутые нити врезаются в плоть и по рукам бегут капли золотой крови. Я даже боли не чувствую.

Фульк фыркает, спихивает с колен наложниц и наклоняется вперед. Полли и Рисса поспешно встают у него за спиной.

– Мидас, на это нет времени. Моей армии твою никак уже не нагнать. К тому же тебе известно мое мнение по этому поводу.

– Время есть, если тотчас отдашь распоряжение, а я изменю курс своей армии, – возражает Мидас, будто у него уже появились идеи. У меня кружится голова от хода его мыслей.

Мидас вынудит меня переспать с другим королем, чтобы воспользоваться его армией?

– Это противоречит Ореанскому соглашению, – отвечает Фульк.

– Не делай вид, будто не отправлял солдат, чтобы ослабить оборону границ Четвертого королевства.

Фульк гневается:

– Они вторглись в мои владения, распустили свою гниль. Я лишь защищаю свое.

Фульк занимает оборонительную позицию, а Мидас скорее напоминает кота, получившего миску сливок.

– Я просто играю на опережение. Пришло время покончить с Четвертым, пока он не попытался вторгнуться в чужие земли.

Мне остается лишь с ужасом взирать на Мидаса. Он начинает наступление на Четвертое королевство? Никто не осмеливался напасть на Четвертое королевство. Короля Ревингера неспроста называют королем Ротом. Он могущественный, жестокий и злой. И о чем Мидас только думает?

Правители-союзники глядят друг на друга. Оба размышляют, делают выводы, анализируют. Как ученые, ломающие головы над древними письменами мертвого языка, пытающиеся перелистнуть страницы и постичь текст без шифра.

Секунды идут одна за другой. Обстановку накаляют метель и свистящий ветер, шум которого отражает раздирающий меня изнутри ураган.

Советник, уже попытавшийся вмешаться, наклоняется к королю Фульку и что-то тихо шепчет тому на ухо. Глаза Фулька бегают из стороны в сторону, пока он слушает. Спустя минуту мужчина отодвигается.

Задумчиво смотря на Мидаса, Фульк поднимает толстую руку и выводит круги на золотом кубке.

– Мидас, мы союзники. Я поддерживаю тебя в твоём стремлении выступить против Четвертого королевства. Но одна ночь с потаскухой вряд ли стоит могущества моей армии.

Не впечатленный таким ответом, Мидас пожимает плечом:

– Тут ты не прав. Будет равноценно обменять твою армию на ночь с моей прославленной фавориткой, с той, которой не касался никто, кроме меня, чье тело стоит дороже всех богатств в твоей сокровищнице.

Фульк прищуривается, а у меня все расплывается перед глазами. В голове гудит от шума крови, тревога хлещет ее как жестокий всадник, заставляющий бежать все быстрее и сильнее с каждым ударом хлыста.

– Один месяц.

Горло горит от встречного предложения Фулька. Струны еще сильнее вонзаются в пальцы.

– Одна ночь, – непреклонно повторяет Мидас. – Одна ночь с ней, и ты выступаешь заодно со своим союзником. Мы одержим победу над Четвертым королевством и поделим землю, а иначе мне, возможно, придется заново оценить твою значимость для меня в качестве союзника.

Я сдерживаю взглас удивления. Напряжение в комнате вновь набирает обороты, но совсем иные. Если бы я не смотрела на Фулька, то пропустила бы мелькнувшее в его глазах удивление, но оно не прошло мимо. Его пугает мысль, что Мидас откажет ему в увеличении его богатства. Удивление уступает место гневу, но не быстро. Мидас тоже его замечает. Он наступил на большую мозоль Фулька.

- Ты угрожаешь мне? – рычит Фульк.

- Отнюдь. Но, имея общего врага, после семилетнего альянса я предлагаю тебе закрепить наш союз. Отдавая тебе мою фаворитку, тем самым я выражаю свою признательность.

Головная боль становится сильнее, давя на глаза, и я резко выпаливаю:

- Нет!

Услышав внезапный возглас, все переводят на меня взгляды, но сердце стучит так сильно, что мне не удастся сосредоточиться ни на чем, кроме боли, которая отчего-то теперь отдается в груди.

Я не замечаю, как вскакиваю на ноги и внезапно оказываюсь стоящей лицом к Мидасу с поднятыми порезанными руками, словно мне по силам отвести беду.

- Нет, мой король. Прошу вас...

Мидас не достаивает меня и взглядом. Фульк осматривает мое тело, которое наполовину скрыто заснеженной тенью, наполовину озаряется светом от камина.

- Одна ночь, без помех, и она в моем полном распоряжении? – уточняет Фульк.

Мидас склоняет голову. Я подаюсь всем телом вперед.

Хватаюсь за прутья решетки, обхватив изрезанными пальцами металл и растаясь с ним в шатких объятиях.

- Хочу половину Четвертого королевства.

- Разумеется, – соглашается Мидас, словно дело уже решенное. Словно он с самого прибытия Фулька планировал такой исход переговоров.

Мое тело окидывают еще одним взглядом.

– На таких условиях я согласен, Мидас.

Мой царь поднимает голову, и на его лице появляется победное выражение:

– А твоя армия?

С минуту Фульк шепотом обменивается мнениями с советником, а потом кивает.

– Я отправлю воинов сегодня же вечером.

На душе становится кисло, как от испорченного винограда. Внутри все разрывается от буйных волн, которые заливают меня горькой, едкой кислотой. Меня охватывает нежелание примириться со своим положением.

Он никому не разрешал даже прикоснуться ко мне. Я принадлежу Мидасу. Так он всегда утверждал. Я ему дорога. Я была с ним десять лет, и за все это время он ни разу никого ко мне не подпускал.

Мидас меня спас. Забрал из руин и привез в замок. Я подарила ему сердце, а он предоставил мне защиту. Один взгляд. Он сказал, что полюбил меня с первого взгляда, и я тут же полюбила его в ответ. Да и могло ли случиться иначе? Он первый человек, который отнесся ко мне с добротой. Как он осмелился уничтожить это и отдать меня не кому иному, как Фульку?

В горле перехватывает дыхание, и я берусь за прутья. Перед глазами все расплывается от зыбкой тревоги.

– Нет, Тиндалл, пожалуйста.

Назвав царя Мидаса по имени, слышу изумленные возгласы от Полли и Риссы. Ни одна живая душа не смеет так небрежно с ним разговаривать. Людям и не за такое отрубали головы. Но имя вырвалось само по себе. Давным-давно, когда я была еще совсем девчонкой, а Мидас – моим защитником и рыцарем в сияющих латах, он разрешал мне называть его Тиндаллом. Но это было давно.

Мой промах – наверное, попытка разума воззвать к Мидасу и вернуть ему роль моего защитника, но, заметив его крепко стиснутые челюсти, понимаю, что зря я так его назвала.

Он пронзает меня взглядом карих глаз, как ножом, лежащим рядом с его тарелкой.

– Аурен, помни свое место. Ты – царская наложница, и я могу делиться тобой с кем посчитаю нужным.

Глаза щиплет от слез. Не плачь, урезониваю себя я. Не падай духом.

Фульк наклоняет лысую голову и смотрит на меня с нескрываемым интересом. В его мыслях я уже принадлежу ему.

– Если хочешь, могу ее наказать. Мне прекрасно удастся ломать волю своим наложницам.

По щеке стекает первая слезинка, хотя я стараюсь не дать ей упасть с века. Она тянется вниз, как петля, как веревка раскаяния, после чего безвольно падает на щеку.

Мидас упрямо качает головой.

– Никаких наказаний. Она все же моя фаворитка. – Полагаю, это и есть моя светлая сторона.

Фульк незамедлительно кивает, словно беспокоится, что Мидас передумает.

– Конечно, я и пальцем ее не коснусь. Только членом. – Он громко смеется, и его огромный живот трясется в такт нервному смеху советников.

Царь Мидас не подхватывает веселья Фулька, потому что его внимание приковано ко мне. Я застываю под его пристальным взглядом, чувствуя боль, страх и желание угодить. Могу даже дать себе затрещину за то, что ныла вчера вечером, как мне одиноко. Вот что я получаю за то, что не была благодарна за свою клетку.

– Мой царь... – говорю я тихим, умоляющим голосом. Это моя последняя попытка заговорить с его душой, а не с этим непоколебимым монархом, который поступится всем ради укрепления власти.

В карих глазах Мидаса нет ни капли теплоты. Они напоминают холодную кору бревна, насильственно разлученного с корнями.

– Я не разрешал тебе останавливать игру.

От его слов я замираю и от боли приоткрываю рот, опустив руки с прутьев. Он всерьез. Совершенно всерьез.

– А теперь садись на табурет и играй свою дурацкую музыку. Не вмешивайся в мужской разговор, Аурен.

Я вздрагиваю от его слов, словно он подошел и дал мне пощечину. Мои ленты трепещут, как будто хотят скрыться долой с его глаз. Я медленно поворачиваюсь и бреду к табурету. На дрожащих ногах сажусь, как камень, оседающий на дно пруда, – ил вздымается, а толща воды теснит меня от солнца.

Увидев, как мои окровавленные руки вновь ложатся на арфу, я чувствую, будто душа покидает тело. Вена на виске пульсирует, а спина неестественно выпрямлена, словно твердые линии плеч могут послужить мне щитом от пронизывающих взглядов.

Из-под пальцев невольно вырывается песня «Дрожь озарения».

Каждый щипок струны – это еще одна насечка не только на моей коже, но и на сердце. Каждая нота – жалобная песнь, каждое движение – скорбь, каждая модуляция – звучащая боль. Капельки крови стекают по струнам мелодичной жертвой.

Я играю для своего царя. Своего защитника. Спасителя. Для мужчины, которого люблю с пятнадцати лет. Играю, вспоминая, когда впервые разучила эту песню, когда Мидас сладко подпевал красивым строкам, а его голос служил аккомпанементом костру и треску сверчков.

В безвременье и невзгодах
Мы танцевали в лучах рассвета,
Вбирая яркое пламя восхода,
Твоими губами любовь воспета.

По щеке стекает еще одна слеза. Запавший в память звук его голоса – давнее воспоминание, ушедшее в далекое прошлое.

Мужчина, обещавший всегда меня защищать, отдает другому, и я никак не могу ему помешать.

Глава 5

Король Фульк остается, хотя изначально планы были иными. Теперь, мобилизовав свою армию и согласившись помочь Мидасу в тайном нападении на Четвертое королевство, он не уедет. Не уедет, ведь его ждет ночь с фавориткой Мидаса, которую он с нетерпением предвкушает.

С каждым днем его солдаты приближаются, чтобы примкнуть к войскам Мидаса, а мне кажется, что нападению подвергнусь я.

Я стискиваю руками книгу, лежащую на коленях. Взгляд прикован к странице, но не могу прочесть ни строчки. Я очень занята подслушиванием.

Я притворяюсь миловидной безделушкой, сидя в библиотеке посреди клетки. Выпрямившись и разложив ленты по спинке кресла, внимательно слушаю все разговоры.

Здесь на протяжении шести дней царь Мидас и король Фульк встречались со своими советниками, детально изучали карты и разрабатывали план нападения

и последующую победу.

По всей видимости, воины Фулька примкнут к армии Мидаса завтра утром. Сообща они вторгнутся в границы Четвертого королевства, фактически нарушив мирный договор, заключенный между шестью королевствами Ореи.

А теперь садись на табурет и играй свою дурацкую музыку. Не вмешивайся в мужской разговор, Аурен.

Возможно, Мидас не рассчитывал, что я так тщательно последую его совету. Этими словами он хотел указать на мое место, но всю неделю я сидела и играла, пока мужчины разговаривали.

Они разговаривали, ну а я слушала. Смотрела. Собирала по крупицам их планы против Четвертого королевства. Забавно, сколько тайн выдают люди в присутствии женщины, в которой они видят лишь объект желания.

Поскольку для пущей конфиденциальности Мидас решил проводить военные собрания в библиотеке на верхнем этаже, это означало, что я могла слышать все их планы. Мягко говоря, они были познавательны.

Вскоре я поняла, что Мидас неделями, а может, и месяцами, продумывал это вторжение. А если вспомнить, как быстро он дал ответ на предложение Фулька относительно меня... то это наводит на мысли, что Мидас и тут все продумал наперед.

А это значит... что он заставил меня прийти на этот завтрак в качестве приманки. Я была блестящей монетой, которую Мидас положил на землю у ног Фулька. Король Фульк не удержался, поскольку давно меня вождеделел, поэтому подобрал ее, запихнув в карман.

В своих мыслях Фульк получает не только меня, но и возможность завладеть половиной земель и богатств Четвертого королевства. Признаюсь откровенно: я мало знаю о том, как устроен королевский разум. Мне неизвестно, что им рекомендуют советники. Но знаю одно: все мужчины – от короля до селянина – жаждут получить чужое. А Мидас и Фульк вождеделют Четвертое королевство.

– Ты уверен? – спрашивает король Фульк. Они сидят вокруг вырезанной в столе карты Ореи и покрытой золотом так, что оно переливается каждым горным хребтом и речной долиной. – Должно быть ясно, что вторжение осуществило Четвертое королевство. И уж точно не нужно, чтобы нам объявили войну другие королевства.

– Этого не случится, – уверенно и четко отвечает Мидас. – Они, как и все мы, хотят избавиться от короля Рота. Разница лишь в том, что остальные королевства слишком запуганы. Они его боятся.

– Неужели зря? – возражает Фульк. – Ты сам видел его силу, как и я. Король Рот, – недовольно повторяет он. – Прозвище он получил неспроста. Мои воины на границе рассказывали о запахе, доносящемся из его королевства. Они вставляют в носы кожаные пробки, пропитанные маслом. Но даже так от смрада гниения жжет глаза.

По спине, словно ее коснулся холодный палец, пробегает дрожь, отчего мои ленты легонько подергиваются. Репутация короля Рота идет впереди него. Рассказывают о том, как он разлагает землю, чтобы держать свой народ в узде, о том, какой он гнусный и жестокий. Поговаривают, он даже на поле боя не отличается благородством. Что пользуется своей силой, дабы люди гноились и разлагались, после чего оставляет их тела на своих полях, чтобы мухи выводили в них личинки.

– Он умышленно нагнетает страх, чтобы оставаться неуязвимым, – спорит Мидас. Я незаметно поворачиваю к нему голову и прислушиваюсь. – Но это не так. Мы докажем это и вернем землю, которую он захватил.

Стоя на другом конце стола, Фульк поднимает взгляд на Мидаса и ведет толстой рукой по полированным горным вершинам.

– А Рудники Блэкрут? – Вот мы и подобрались к сути.

Испытав за завтраком шок, когда Мидас объявил, что собирается в атаку на Четвертое королевство, я была потрясена до глубины души. И всецело сбита с толку, для чего кому-то подвергать себя такому риску и нападать на Четвертое королевство. Я понимала, что дело не только в том, что королевство медленно расширяет свои границы. Этого мало. Что-то тут не то.

Поэтому ночью я решила немного порыскать и прокралась в библиотеку, где забралась по перекладинам клетки и поднялась к самым дальним полкам из секции истории и географии. До многих книг было не дотянуться, но мне повезло найти ту, в которой на развороте первой страницы была нарисована карта минеральных ресурсов.

И вот тут-то я и заметила рудники. Аккурат посреди Четвертого королевства.

Мидас хитро улыбается:

– Рудники будут нашими.

Даже сидя на другом конце комнаты, я вижу в глазах правителей блеск. Вижу, как от предвкушения победы распрямылись их плечи. Не знаю, что таится в этих рудниках, но Мидас и Фульк хотят завладеть ими. И сильно.

Фульк довольно кивает, а на лицах его советников появляется точно такое же выражение, словно они уже предвкушают, как пополнится королевская казна, а не думают о жизни и смерти, которыми повелевают. Да, намного проще сидеть в замке и передвигать войска по карте, чем предстать перед мечом на поле битвы.

– Я хочу северную сторону, – заявляет Фульк, его светло-фиолетовые чулки и такого же цвета туника дополнены кожаным поясом, обернутым вокруг обрюзгшего живота.

Смотря на Фулька, Мидас выгибает бровь, а его советник беспокойно хмурится, но вместо ожидаемых мной возражений Мидас склоняет голову.

– Согласен. Северная часть Блэкрута отойдет тебе.

Фульк светится от радости и один раз хлопает в ладоши.

– Что ж, выходит, мы договорились! Теперь остается лишь дожидаться, когда наши войска объединятся, чтобы завоевать королевство.

– Истинная правда, – беззаботно отвечает Мидас.

– Что у нас дальше на повестке дня? – повернувшись к своему советнику, спрашивает Фульк.

Долговязый мужчина в похожих фиолетовых чулках достает свиток и начинает перечислять, что им еще предстоит сегодня обсудить. Ну а я продолжаю ломать голову над тем, что может скрываться в этих рудниках; из-за чего эти мужчины так взвинчены; почему желают нарушить мирный договор и рискнуть своими войсками? И почему теперь? Либо они крайне уверены в своих силах, либо в отчаянии. Либо есть еще какая-то причина, которую я не улавливаю.

Мое внимание привлекает мельтешение, вырывая из дум, и я перевожу взгляд на Риссу, которая танцует у окна.

Король Фульк не изменяет себе, поэтому и сегодня привел с собой Риссу и Полли. Каждый день во время совета с ним как минимум одна наложница. Похоже, Рисса и Полли – его любимицы, поскольку обычно он берет с собой их. Иногда он заставляет их массировать ему спину или подавать еду – стоит Фульку только пальцем поманить, они тут как тут.

Сегодня обе девушки завили свои густые светло-русые волосы в тугие кудряшки и надели одинаковые платья с разрезами по бокам, тянущимися от ступней до бедер, и с глубокими декольте до пупка.

Полли услужливо наполняет кубки вином и попутно получает от мужчин шаловливые прикосновения. Но Рисса сразу же, как показалась в комнате, получила приказ танцевать. Сейчас она по-прежнему покачивается у окна с обольстительной грацией под тихую музыку.

Фульк отдал ей приказ танцевать более трех часов назад и до сих пор не отпускал. Проклятье, он почти не смотрел на нее, разве что бросал мимолетные взгляды. Все ее усилия напрасны.

Наблюдая за ней, я замечаю то, чего не замечают другие. Рисса танцует так, словно ей не представляет это сложности, но я вижу, что это не так. Порой она еле заметно вздрагивает, словно все ее тело ноет от безостановочного движения. А под ее красивыми голубыми глазами я вижу темные круги,

свидетельствующие о нехватке сна. Король Фульк, вероятно, всю ночь не дает ей продыху, а потом и днем не позволяет отдохнуть.

Я слышу, как мужчины начинают обсуждать пути, которыми после атаки отправят свои войска обратно в их королевства, и полностью отвлекаюсь на их голоса. Тихонько закрываю книгу и гляжу на нее. Переплет сияет таким чистым золотом, что им можно воспользоваться в качестве зеркала, и я провожу по нему рукой, ощущая его гладкость и смотря на свое отражение. Через мгновение перевожу взгляд обратно на Риссу.

Я встаю, примериваюсь к весу книги и легонько потягиваюсь, стараясь вести себя как можно беззаботнее. Бреду по клетке, направляясь к Риссе.

Приблизившись к окну, перед которым она танцует, я приникаю к решетке и снова поднимаю перед собой книгу, притворяясь, будто читаю, а сама поворачиваю голову в сторону девушки.

– Знаешь, если упадешь, можешь прикинуться, что от усталости лишилась чувств. Я тебя прикрою, – едва слышно говорю я наложнице.

Рисса на миг перестает покачивать бедрами и бросает на меня свирепый взгляд.

– Не разговаривай со мной, позолоченное влагалище, – холодно отвечает она. – Я работаю.

– И почему люди так одержимы тем, что у меня между ног? – говорю я.

Рисса закатывает глаза и говорит вполголоса:

– Вот и я задаюсь тем же вопросом много лет.

Я хмуро смотрю на нее, но, когда с ее губ срывается усталый вздох, снова ее жалею.

– Слушай, ты наверняка устала. Я могу как-нибудь их отвлечь, – оглядывая клетку, неуверительно предлагаю я. У меня здесь и отвлекать-то нечем. Всего лишь несколько книжных полок – как внутри клетки, так и снаружи, до которых

я могу дотянуться, – кресло и несколько шелковых одеял и разбросанных подушек.

– Не нужна мне твоя помощь, – смотря куда угодно, только не на меня, цедит Рисса сквозь зубы. Но она спотыкается, чуть не потеряв равновесие, и я поджимаю губы.

Она явно решила меня ненавидеть, но как же я устала от этого. Рисса изнемогает от танца, ну а я изнемогаю от того, что во мне всегда видят заклятую соперницу. Я хочу ей помочь и помогу – без ее разрешения или с оным.

Бросив взгляд на позолоченную книгу, которую продолжаю держать в руке, я принимаю решение за долю секунды. Не продумав заранее план, не просчитав заранее, я просто просовываю руку через решетку, а затем швыряю книгу в Риссу.

Бам!

Книга попадает Риссе прямо в лицо.

Черт.

Голова Риссы запрокидывается назад, и девушка с визгом падает. Обычно такой способ пасть на колени для нее непривычен, но все же ей удается сделать это изящно.

Рисса падает на попу, запутавшись ногами в просвечивающем платье. Она визгливо вскрикивает и тут же зажимает ладонями рот.

Я смотрю на нее округлившимися от шока глазами и искренне жалею, что плохо продумала план. Стоило хотя бы получше прицелиться. Рисса явно возмущена.

С напряженной улыбкой я показываю ей два больших пальца.

– Внимание мы отвлекли, – шепчу я, словно так и собиралась поступить. Да, собиралась. Но вовсе не хотела бить бедную девушку по лицу. Я рассчитывала, что книга отскочит от ее груди и Рисса сможет притвориться, будто ей нужно

прилечь. Мидасу нравится ее грудь, поэтому дело казалось беспроблемным.

Она убирает с лица спутанные волосы, и я вижу, как по ее подбородку и пальцам бегут первые капельки крови, да и изо рта течет кровь. Отлично! Я не только ударила ее по губам, но и не учла, какая тяжелая эта позолоченная книга.

– Какого дьявола ты творишь, Аурен?

Я резко поворачиваюсь и вижу разъяренного Мидаса, который смотрит на меня из-за стола, вокруг которого собрались мужчины. Десять пар глаз взирают на меня, и становится не по себе от их недовольных взглядов.

Я оторопело смотрю на своего царя и решаю прикинуться невинной овечкой.

– Рука дрогнула, и книга просто выскользнула из рук, ваше величество.

Мидас скрежещет зубами.

– Выскользнула, – ровным тоном повторяет он. Его карие глаза напоминают ржавые гвозди.

Я опускаю голову, хотя в груди дико колотится сердце.

– Да, ваше величество.

Слышу, как рядом со мной плачет Рисса, и стараюсь побороть стыд. Ведь я и правда не хотела так сильно ее ударить. Куда делась из моих рук эта сила, когда на той неделе я пыталась вырваться из своей клетки? От этих мышц никакого толку.

Полли смотрит на меня с дикой ненавистью, а король Фульк хмыкает.

– Небольшой раздор между наложницами, Мидас? – посмеивается он.

– Похоже на то, – невозмутимо отвечает Мидас.

Я кусаю губу под пристальным взглядом своего царя, пока он наконец не отводит взор.

– Отведите наложницу обратно в гарем, – грозно приказывает Мидас одному стражнику, а потом снова отворачивается.

Двое стражников кидаются вперед. Похоже, им слишком не терпится направиться в крыло наложников.

– Видишь? Получилось, – шепчу я, пытаюсь показать Риссе светлую сторону. – Больше никаких танцев.

Она бросает на меня свирепый взгляд, а из ее губы по-прежнему течет кровь. Если бы я заключала пари, то сказала бы, что Рисса пока еще не очень готова взглянуть на ситуацию с другой стороны.

– Аурен? – обманчиво спокойным голосом зовет царь Мидас.

Когда Риссу уводят, поворачиваю к нему голову.

– Да, мой царь? – спрашиваю я, смотря ему в спину. Он стоит, склонившись над картой.

– Поскольку ты лишила короля Фулька танцовщицы, то возьми ее обязанности на себя.

Боги, будьте вы прокляты!

Мгновение я смотрю на царя и размышляю: может, тоже бросить себе в лицо книгу, чтобы избежать танцев? Но, заметив взгляд короля Фулька и напряжение в плечах Мидаса, понимаю, что они наверняка заставят меня танцевать даже с окровавленным ртом.

Всякое доброе дело наказуемо.

От досады заскрежетав челюстями, я возвращаюсь в центр клетки и начинаю медленно двигать бедрами и покачивать руками над головой. Наблюдая за мной,

король Фульк плотоядно облизывается. Из-за этого желудок жжет от кислоты. Остаются считанные дни до того, как Мидас передаст меня этому мужчине. Каждый раз, когда Фульк глядит на меня, я вижу в его мелких глазенках, как все ниже опускается песок в песочных часах.

Я отнюдь не так грациозна, как Рисса, но делаю вдох и мысленно напеваю замедленную вариацию песни «Хлопни его по причиндалам», двигаясь в такт мелодии.

Ох, с каким удовольствием я бы сейчас врезала королю Фульку по его причиндалам.

Фульк наблюдает за моим танцем, а я тем временем старательно его игнорирую и смотрю на точку в стене над его головой. Вопреки моим усилиям притворяться, что его нет здесь, Фульк неторопливо подходит ко мне. Его обтянутые бархатом бедра трутся друг о друга, пока он не замирает прямо напротив. Между нами целых восемь футов, но по мне, он все равно слишком близко.

– Завтра ночью ты будешь моей, любимица, – улыбаясь, говорит он и обхватывает толстыми пальцами прут, с намеком поглаживая золото вверх и вниз.

Эта бурлящая кислота в моем желудке начинает закипать.

Его глаза блестят алчностью и предвкушением, но я вынуждаю себя слушать музыку, продолжать танцевать, притворяться, что Фулька здесь нет. Похоже, ему не нравятся мои попытки его игнорировать, судя по тому, как он передвигается, чтобы попасть в поле моего зрения.

– Я покрою твою кожу таким количеством спермы, что она перестанет напоминать золото, – говорит Фульк и хрипло смеется, как заправский курильщик.

Ошарашенная его скабрёзными словами, я резко и неловко останавливаюсь и фокусирую на нем взгляд.

Фульк кривит губы, довольный своей победой.

– О да, как же я с тобой позабавлюсь.

Мои ленты обвиваются вокруг спины подобно змее, изогнувшейся дугой и готовящейся зашипеть. Я перевожу взгляд с одного короля на другого и замечаю, что царь Мидас уже смотрит на меня.

Желудок делает кульбит. Неужто Фульк все же довел Мидаса до предела? Неужели мой царь осознает ужас и унижительность такого положения? Неужели теперь он передумает и покончит с этим?

Но Мидас молчит. Ничего не делает. Просто стоит возле стола и наблюдает, как Фульк разговаривает со мной, так, словно это его вовсе не беспокоит.

Я с трудом глотаю подступивший к горлу комок. Отрываю слезящиеся глаза от Мидаса, который совершает предательство, и снова обращаю внимание на омерзительного мужчину, стоящего прямо напротив моей клетки.

Фульк облизывает пожелтевшие зубы.

– М-м-м, да. Я омою твоё тело своим семенем, и ты неделю не сможешь ходить прямо, – обещает он.

Я собираюсь с оставшимися силами, чтобы держать язык за зубами и не вылететь к чертям из этой комнаты. Мидас тотчас же заставит меня вернуться.

– Аурен? – говорит царь Мидас, привлекая мое внимание, и сердце наполняется надеждой. Положи этому конец. Защити меня. Отзови все это и... – Ты перестала танцевать.

Это приказ. Слова обрушиваются на меня, как палка, бьют по костяшкам пальцев, сдирая кожу и вынуждая вздрагивать. Фульк кичливо улыбается, после чего возвращается ко столу с картой. Пока он закончил надо мной насмехаться.

Глаза наполняются слезами, и я, пошатываясь, поднимаю руки. От унижения кожа пылает и покрывается потом во время танца.

Сядь.

Играй свою дурацкую музыку.

Не вмешивайся в мужской разговор.

Я двигаюсь под их возобновившуюся беседу. Их споры сопровождают ритмичный стук моего сердца. С каждым движением бедер и рук я фактически чувствую, как меня тянут за ниточки, как марионетку на сцене. Я лишь хочу убежать в свою спальню и спрятаться под одеялом, подальше от похотливых насмешек и вероломных глаз. Но не могу.

Светлая сторона? Хуже уже быть не может.

Внезапно открывается дверь в библиотеку, и в комнату величаво входит красивая беловолосая женщина с высокими скулами и золотой короной.

Царица Малина.

Признаю свою ошибку. Стало только хуже.

Наложницы? Да, я не нравлюсь им. Но царица... Она ненавидит меня до чертиков.

Глава 6

– Малина, сегодня утром я тебя не ждал, – повернувшись, чтобы поприветствовать свою супругу, с натянутой улыбкой говорит Мидас.

Держа кувшин с вином, Полли быстро пятится от стола и тут же опускает глаза в пол. Мне почти ласкает душу мысль, что царица приводит в ужас и других наложниц. Царица осматривает комнату, поджав губы и вздернув носик.

– Я заметила, – с легкостью парирует она, приосанившись. Она, как и всегда, заявила по-царски. Советники склоняют головы в ее присутствии. В изумрудном платье и сапфировых украшениях на шее и в ушах царица напоминает прекрасного павлина. Она – образчик власти и хладнокровия, призванный привлекать внимание и страшать.

Царица бросает взгляд на Полли, рассматривая откровенное платье женщины, а потом опять глядит на супруга.

– В самом деле? Пока вы разрабатываете стратегию, Тиндалл? Как бестактно, – говорит она, ставя Мидасу в укор его поступок.

Усеянные веснушками щеки бедняжки Полли заливаются краской от смущения, и она склоняет голову еще ниже, закрывая лицо светлыми волосами. Мидас всегда тщательно ограждает свою жену от наложниц. Очевидно, сегодня она нарушила обрисованные им границы.

Советники переводят взгляды с одного супруга на другого, но никто и слова вставить не осмеливается. Даже Фульк словно язык проглотил.

Мидас притворно приподнимает губы в непринужденном веселье, но я замечаю мелькнувшее в его глазах раздражение. Между супругами нет любви.

Они женаты уже почти десять лет. Он гневается на нее, потому что она так и не смогла подарить ему наследника, а она гневается на него, потому что корона должна была перейти к ней по праву рождения. Но Малина родилась без магической силы и потому, согласно законам Ореи, не могла править одна. Ей пришлось выбрать мужа, обладающего силой, или в противном случае уступить трон другому.

Став женой Мидаса, она все равно остается царицей, даже если истинный правитель – ее муж.

Царство Хайбелл разделилось в преданности супругам. Кто-то продолжает хранить верность Малине. Все же Хайбеллом веками правила ее семья. Вскоре после того, как на Малине женился Мидас, ее отец скончался, поэтому царь многими воспринимается чужаком.

Люди выражают ей поддержку. Они до сих пор помнят красивую принцессу, у которой внезапно выбили почву из-под ног. Когда подтвердилось, что Малина не наделена никакой силой, ее стали жалеть. Теперь же ее жалеют за то, что у нее бесплодная утроба.

Остальные в Хайбелле, в частности аристократия, верны Мидасу. Если бы он позволил, они бы ноги ему целовали, ведь Мидас принес им несметное богатство. До него Хайбелл был почти разорен. Мидас впорхнул и спас запущенное Шестое королевство предложением о браке. Мидас очаровал всех, бахвалясь своей силой, дарующей бесконечное богатство. Разумеется, после такого предложения отец Малины согласился на сделку. Но мне любопытно, не жалеет ли о своем решении Малина.

Я наблюдаю, как между Мидасом и Малиной происходит что-то вроде безмолвного поединка. Напряжение между ними всегда ощущается остро, но оно присутствует всегда. Они, скорее всего, просто терпят друг друга.

Я вынуждаю себя стоять смирно, ленты тихонько извиваются за спиной. Стоя плечом к плечу, Малина и Мидас всегда кажутся прекрасной парой. Как же мне это презренно. Если Мидас обладает природным обаянием, то Малина уверена и хладнокровна. Идеальна. Кожа у нее такая бледная, что видны голубые вены на ее руках, шее и висках, но ее суровая бледность выглядит элегантно. Ей даже удастся справиться со своими гладкими белыми волосами. Мне говорили, что она родилась с таким цветом. Белые волосы – фамильная черта Кольеров.

Я перевожу взгляд с одного правителя на другого, чувствуя, что внутри все скручивается в узел, как бывает всегда, когда рядом Малина. Она не скрывает своей ненависти с тех пор, как Мидас привез меня в Хайбелл. Поначалу я ее за это не винила.

Наконец Мидас склоняет голову, словно отдавая ей эту победу.

– Ты слышала царицу, – говорит он Полли, махнув рукой наложнице. – Твое присутствие бестактно. Уходи.

Полли не нужно повторять дважды. Она поворачивается и спешно покидает библиотеку, не задержавшись даже для того, чтобы оставить кувшин с вином.

Теперь, избавившись от Полли, Малина смотрит на меня. Она удостаивает меня таким холодным взглядом, что он мог бы посостязаться с нашими зимами. А это о чем-то говорит, потому что однажды случилась метель, которая длилась двадцать семь дней.

– Не стоит оставлять свою блестящую игрушку во время военных собраний, супруг, – уничтожая меня взглядом, говорит царица Малина.

Я поджимаю губы, заставляя себя молчать.

Она вновь поворачивается к супругу, не обращая внимания на остальных мужчин в комнате.

– Могу я с тобой поговорить?

В его взгляде мелькает раздражение, но она явно не собирается уходить без разговора.

– Прошу меня извинить, – говорит Мидас мужчинам, после чего поворачивается и выходит из комнаты, а царица следует за ним.

Король Фульк хлопает Мидаса по спине, когда тот проходит мимо него.

– Ох уж эти женщины, да, Мидас? – говорит он, снисходительно хохотнув.

Царица стискивает юбку платья, но хранит молчание, и супруги выходят из комнаты, чтобы поговорить в коридоре.

А вот и мой шанс. Не собираюсь я здесь торчать и давать Фульку шанс надо мной издеваться. Я тихонько поворачиваюсь и быстро выхожу из комнаты, проскальзываю через арку и несусь по темному коридору.

– Куда она пошла?

Недовольно брошенные Фульком слова лишь вынуждают меня ускорить шаг. Однако я круглая дура, потому что, спеша убраться из библиотеки, направилась к ближайшей арке, а это значит, что путь мой ведет в атриум, а не в личные

покои. Что ж, могу спрятаться там, пока не вернется Мидас или не уйдет Фульк.

Оказавшись в атриуме, я с успокоением вздыхаю, проходя через арку, навстречу решеткам моего заключения в большом тусклом пространстве.

Бегло поглядев наверх, вижу, что сегодня потолок купола полностью покрыт снегом – как я и предугадывала, – отчего кажется, будто зал стал еще меньше. Все окна придавлены леденящим сумрачным светом, от которого не проходят спазмы в животе. Я надеялась хотя бы краешком глаза увидеть небо, вот только не повезло.

Светлая сторона? По крайней мере, кровать, которой Мидас пользовался прошлой ночью, уже давно убрана. На одну вещь, способную испортить мне настроение, меньше.

Я провожу пальцами по позолоченным вьющимся стеблям плюща, поднимающимся вдоль стеклянных стен, мои ноги в туфлях ступают по блестящему полу. Повсюду выставлены растения и статуи из чистого золота. Это убедительная груда богатства, собранная в одном месте.

Золото во дворце повсюду, но по какой-то причине в этом зале его присутствие кажется непристойным. Может быть, все дело в загроможденных снегом окнах, из-за которых они кажутся уязвимыми перед безотрадным внешним миром. Или, может, дело просто в том, что даже растения не остались нетронутыми. Если Мидас, оглядевшись, видит богатство, то я вижу кладбище.

Я бреду в другой конец клетки к груде подушек и одеял, лежащих на полу. С такими высокими потолками и огромной комнатой здесь студено. Даже при наличии двух огромных каминов, занимающих оба конца комнаты, тепла тут не хватает.

Я пинаю пару подушек, а затем сажусь, беру одно одеяло и накрываю им колени. С тем же успехом я могла бы...

Дверь в передней части комнаты внезапно распахивается, и я подсакиваю на месте.

– И ты решила, что разговор настолько важен, что тебе пришлось прервать мою встречу, Малина?

На долю секунды я замираю, поняв, что царь с царицей пришли поговорить сюда.

– Твою встречу? – огрызается Малина. – Тиндалл, как ты посмел начать атаку на Четвертое королевство, не предупредив меня?

О Боги.

Если они меня застукают... По телу пробегает дрожь, и холод тут ни при чем. Мне нужно сию же секунду отсюда выбираться.

Глава 7

Царь и царица проходят в атриум, их шаги отдаются эхом, как щелчки хлыста. Мне ни за что не пробежать в дверях так, чтобы они меня не заметили. Царская чета подходит ближе, а спрятаться мне помогает всего лишь пара растений в горшках.

Во всяком случае я не выделяюсь на фоне обстановки. Вот вам светлая сторона.

Сползая вниз, я ложусь на живот и накрываюсь одеялом, изо всех сил стараюсь быть неприметной, и замираю.

– Я не стану перед тобой отчитываться, Малина. Я – царь и правлю так, как посчитаю нужным.

– Ты намеренно не посвятил меня в свои планы. Ты говорил, что армия переходит к тактике нападения, – зло бросает она.

– Так и есть, – равнодушно отвечает Мидас.

Я слышу, как она фыркает.

– Если наше царство собирается воевать, то следовало обсудить свои планы со мной. Хайбелл – мое царство, Тиндалл. Кольеры правили им на протяжении многих веков, – запальчиво огрызается она в ответ.

Я приподнимаю брови, удивившись ее отваге.

– И все же ты первое дитя в роду Кольеров, которому не досталось магической силы, – парирует Мидас. Его уверенный баритон разносится эхом по залу. – Силы у тебя так и не проявились, а твоя семья исчерпала казну до последней монеты. Эта земля разорилась еще до моего появления. Если бы не я, ты так бы и осталась принцессой-оборванкой с кучей долгов и без всяких перспектив. Так что не пытайся бахвалиться тем, что Хайбелл твой. Ты потеряла его в ту же секунду, как я подошел к вашим воротам.

Сердце гулко стучит в груди. Это... очень личный разговор. Не предназначенный для моих ушей. Если бы Малина узнала, что я подслушиваю, то непременно бы мне их отрезала.

Мне не стоит, но я не могу удержаться и осторожно просовываю палец и приподнимаю одеяло возле глаз, чтобы подсмотреть. Через небольшую щель вижу царя и царицу примерно футах в десяти от меня. Они стоят бок о бок, лица пышут злостью, а глаза – холодной ненавистью.

Ни для кого не секрет, что царица не обладает силой, но еще никогда ей не бросали это в лицо. А может, тут нет ничего странного. Может, вдали от чужих глаз для них это привычное дело.

– Это тут ни при чем, – шипит ему в лицо царица Малина. – Дело в том, что ты нарушаешь мирный договор, который шесть королевств соблюдали веками! И сделал это, даже не обсудив со мной!

– Я прекрасно осознаю свои действия, – холодно отвечает он ей. – Да и тебе не мешало бы помнить свои обязанности, жена.

Она прищуривает ледяные голубые глаза.

– Что? Я должна сидеть в покоях со своими фрейлинами, вязать и гулять по ледяному саду? – издав мрачный смешок, Малина качает головой. – Я не одна из твоих наложниц, Тиндалл.

– Нет, ты точно не одна из моих наложниц, – говорит он, бросив на нее презрительный взгляд.

На ее бледных щеках появляется гневный румянец, и царица вновь сжимает руками юбки.

– И кто виноват в том, что ты больше не приходишь в мою постель?

Я умираю от стыда, уши почти горят. Мне казалось, что их беседа носит слишком личный характер. Все только что стало гораздо хуже.

Мидас пренебрежительно усмехается.

– Ты бесплодна, – отвечает он ей, и я замечаю, как она запрокидывает голову назад, словно царь нанес ей пощечину. – Я предпочел бы не тратить время впустую. А это именно так, – говорит он, показывая на нее и на себя, – напрасно потраченное время. А теперь, если ты покончила со своими типичными женскими капризами, у меня много других забот.

Он начинает удаляться, но не успевает сделать и трех шагов, как его останавливает ее голос:

– Тиндалл, мне известна правда.

Я с любопытством вожу между ними глазами и задаюсь вопросом, про какую правду говорит царица.

Время идет. Когда Мидас поворачивается к супруге лицом, его плечи напряжены, как камень. В его карих глазах столько злости, что даже царица отступает назад. Похоже, она не рассчитала силы. Я просто не знаю, какие карты у нее на руках.

– На твоём месте я бы очень, крайне осторожно подбирал выражения, – с затаенной жестокостью говорит ей Мидас.

Без всякого сомнения, это угроза. Безжалостности в его тоне хватает, чтобы волосы у меня на затылке встали дыбом. Малина смотрит на него, а я застываю столбом, даже не позволяя себе моргнуть.

– Возвращайся в свои покои, – холодно довершает он.

Царице с трудом удается сглотнуть ком в горле, но, несмотря на дрожь в руках, которые Малина прячет в юбках, она гордо поднимает голову и выходит из зала, хлопнув напоследок дверью. Она не увядающий цветок, этого у нее не отнять.

А вот мне страшно даже дышать в тишине, да и сердце стучит в груди как барабан. Я выжидаю несколько заветных секунд, надув щеки, чтобы задержать дыхание.

Мидас вздыхает и поправляет золотую тунику, одернув ее, после чего приглаживает рукой волосы, чтобы не выбивалась ни одна прядь. Спустя мгновение он поворачивается к выходу и уходит с глаз моих. Только услышав, как за ним закрывается дверь и стихают шаги, я делаю выдох.

Я скидываю одеяло и сажусь, понимая, что нужно незамеченной прокрасться мимо библиотеки и добраться до спальни до того, как Мидас возвратится к советникам. Если он зайдет ко мне и не найдет в своей комнате, то поймет, что я подслушала его разговор с царицей, а это... наверное, меня не приведет ни к чему хорошему.

Встав, я вылетаю из атриума, бегу по своему личному коридору, а затем останавливаюсь прямо перед аркой в дальнем углу библиотеки.

Слышу, как бормочут советники, как громко чавкает король Фульк, дыша через рот. Жует, дышит, жует, дышит. Омерзительно. Смело заглянув за дверь, вижу, что, по счастью, все сидят лицом к столу, никому нет дела до моей клетки, а Мидас не успел вернуться.

Солнце уже начинает садиться, забирая с собой тусклый серый свет, но мужчины не скоро закончат собрание. Советники точно будут трудиться всю ночь напролет, как и в предыдущие дни, но я не хочу торчать тут с ними.

Скрыться в своих покоях мне удастся, только если я проберусь туда до возвращения Мидаса. С глаз долой, из сердца вон. Или я лелею напрасную надежду. Скорее всего, он будет не в духе после разговора с Малиной, а я не хочу попасть под перекрестный огонь.

Чтобы оказаться в личных покоях, нужно миновать эту библиотеку. Мидас приказал, чтобы верхний этаж замка перестроили, дабы я смогла беспрепятственно по нему бродить. Поскольку клетки, встроенные в каждую комнату, не ограничены, они ведут в специально созданные для меня комнаты – из одной в другую и так вплоть до другого конца дворца. Но это означает, что есть только один способ добраться в другой конец замка – мне придется пройти через все комнаты.

Я еще раз бегло оглядываюсь, убедившись, что никто за мной не наблюдает, а потом на цыпочках крадусь через закрытую клеткой часть библиотеки. Моя цель – арка в дальнем конце комнаты. Я тороплюсь, но бреду осторожно. Идти слишком быстро не получится, иначе привлеку к себе внимание, но мне нужно поспешить и вернуться в свои покои до прихода Мидаса.

Мне остается сделать три шага, когда вдруг слышу:

– О, ты вернулся.

Я замираю, но, оказывается, никто на меня не смотрит. Всеобщее внимание пало на Мидаса, который только что вошел в библиотеку.

Подхватив юбки, я прыгаю в арку и несусь по коридору. Буквально за секунду до того, как меня заметит Мидас. Я перестаю бежать, только когда оказываюсь возле своей ванной и гардеробной. После заскакиваю в комнату и, привалившись к стене, выдыхаю.

Радуюсь удавшемуся побегу, на минуту запрокидываю голову назад. В голове роятся мысли. Повезло, что меня не поймали.

Я опираюсь о стену, размышляя обо всем, что узнала. Не только из подслушанного разговора, но и из собранных по крупицам сведений во время военного совета Мидаса. Видимо, даже царица Малина с опаской относится к дерзкой атаке Мидаса.

Впрочем, немудрено, что он не обсудил с ней свое решение. Такое ему свойственно. Он руководствуется сугубо своими целями и замыслами. На самом деле меня всегда восхищала эта его черта и присущая ему уверенность в своих силах. Он не родился в царской семье, как Малина. Его не готовили стать монархом. И каким бы жестоким он порой ни был, Мидас правит царством умеючи. Хайбеллу нужны деньги и сильный лидер, и царство получило и то и другое, как только трон занял Мидас.

Я осознаю, что день закончился и наступила ночь. По спине пробегает дрожь, и я потираю руки, чтобы прогнать покалывание.

Светлая сторона: если бы Мидас собирался прислать за мной, он бы уже так и поступил.

Царящий в моей комнате скудный свет померк и стал тенью, которая быстро погрузила покои в темноту. Отойдя от стены, я бреду в дальний угол комнаты. Иду по памяти, пока не оказываюсь возле небольшого столика, упирающегося в решетки.

Вслепую ищу подсвечник, который всегда тут стоит, но нащупываю не твердый предмет, а что-то теплое. И двигающееся.

Я испуганно пытаюсь отпрянуть, но не успеваю. Вперед вылетает рука и хватает меня за запястье, дернув на себя. Я падаю грудью на стол и выставляю руки вперед, чтобы ухватиться за него. Человек, что держит меня за руки, отпускает их и тут же хватается за волосы.

Я в панике тянусь вверх, по наитию пытаюсь вырваться, но удерживающий меня человек не отпускает, как бы сильно я ни дергалась.

Я начинаю безжалостно царапать эти руки, надеясь содрать с них кожу на кровавые лоскуты, чтобы меня отпустили. Я чувствую под ногтями кровь, и человек шипит от боли, а потом ударяет меня головой о решетку так сильно, что

перед глазами появляются звездочки.

У меня подгибаются коленки, тело раскачивается, в голове пульсирует, но рука, жестоко тянущая меня за волосы, не отпускает. Кожа головы горит от боли, и я вскрикиваю, но не успеваю болезненный стон слететь с моих губ, как вторая рука закрывает мне рот, заглушая шум.

К сожалению, вместе с тем рука закрывает мне нос, и я начинаю задыхаться. Растерявшись от удара по голове и от темноты ночи, я впадаю в панику, брыкаюсь, пытаюсь вырваться. Горло сдавливают, а ноздри раздуваются от необходимости дышать.

И несмотря на происходящее, я возмущена, что ко мне прикасается не Мидас.

Сколько себя помню, ко мне никто не прикасался. Никто бы даже не осмелился. За исключением мимолетных проявлений нежности от моего царя, мне так не хватает прикосновений, что сейчас отчасти я испытываю переизбыток эмоций и не в силах дать отпор.

– Держи ее.

Приказ звучит тихо, но властно. Человек, отдавший его, совершенно безучастен к затруднительному положению, в котором я оказалась. Сердце падает вниз, когда я узнаю голос.

Царица.

Тот, кто меня держит, дергает мою голову вперед и прижимает лицом к решетке, но закрывающая рот и нос ладонь отпускает. Я дышу прерывисто, шея вытянута под неудобным углом, а край стола впивается в бедро, когда меня заставляют над ним склониться.

Перед глазами появляется царица Малина. Она держит в руке свечу, и ее бледное лицо освещено огненными тенями.

– Думаешь, я не видела, как ты пряталась и подслушивала? – спрашивает она и подносит свечу так близко к моему лицу, что щеки опалает жаром в раскаленной

угрозе.

Я открываю рот, чтобы ответить, но не успеваю даже обрести дар речи, как царица грозно приказывает:

- Молчать!

Я немедленно захлопываю рот. Меня вновь тянут за пряди волос, боль разливается по голове, а глаза начинают слезиться.

Малина хладнокровно на меня смотрит.

- Фаворитка царя, - шипит она, словно это самое презренное слово в ее лексиконе. Наверное, так и есть. - Мне много лет не давало покоя, почему он позолотил никчемную сиротку и держит здесь в качестве трофея, - говорит царица и презрительно оглядывает мою клетку. - Но у Мидаса всегда были навязчивые идеи.

Я не навязчивая идея. Он меня любит. Ей просто не хочется это признавать.

Малина смеется, будто видит на моем лице отрицание.

- Думаешь, ты владеешь его сердцем? - спрашивает она с притворной жалостью в голосе и наклоняется, смотря мне прямо в глаза. Царица так близко, что я чувствую ее дыхание, рвущееся из приоткрытых бесцветных губ. - Моя дорогая, ты всего лишь собачонка, которую он держит в клетке. Трофеем, которым он хвастается, чтобы казаться более интересным.

Ложь. Я знаю это, но я не настолько бесчувственна, чтобы смириться с ее словами, сказанными в порыве ненависти и ревности, и оставаться безучастной. Поэтому от ее заявления вкупе с пронзительной болью в голове в глазах скапливаются слезы, и одна из них падает мне на щеку.

Царица вздыхает и качает головой, устремив взгляд к заснеженному окну.

- Тогда я была глупой девчонкой. Бесправной королевой, которая не имела возможности править самостоятельно, когда вдруг появился Тиндалл.

Я пристально смотрю на нее и стараюсь не шевелиться, чтобы с ноющей кожей головы перестали так жестоко обращаться.

– Мой отец утверждал, что Мидас ниспослан нам богами. Статный защитник угнетенных с предложением о браке и золотом в руках? Немудрено, что я с радостью согласилась. Он и правда казался подарком судьбы. Именно тем спасителем, в котором мы нуждались. Меня даже не волновало, что он притащил тебя.

В голове царит хаос, я пытаюсь не обращать внимания на боль и сосредоточиться на ее словах. Мысленно даю себе затрещину за то, что попалась. За то, что не была достаточно внимательной и не заметила, что царица здесь и ждет удобного момента, дабы наброситься на меня.

– Если уж на то пошло, у всех мужчин есть недостатки, – говорит Малина, ясно давая понять своим тоном ее отношение ко мне. – Тиндалл превратил тебя в фамильную ценность. Сиротка в клетке с позолоченной кожей, которой он может похвастать и держать при себе. Какая вопиющая безвкусица. Но ты тогда не была для меня угрозой и не станешь угрозой теперь. Знаешь, почему?

Я стискиваю зубы, от злости веки так жжет, что из глаз чуть не сыплются искры. Ленты движутся вперед, скользят по ногам держащего меня человека. Не хочу, чтобы кто-нибудь прознал, что я могу управлять лентами, но сейчас важнее всего моя безопасность, а не моя тайна.

В прошлом у нас с Малиной возникала пара конфликтов, но чаще мы старались не попадаться друг другу на глаза. Раньше она ни разу на меня не нападала. Такого за ней не наблюдалось, и я боюсь, что это начало более жестокого обращения. Я смирюсь с ее уничижительными замечаниями и надменными взглядами, брошенными в мою сторону. Но такое? От подобной перспективы меня бросает в дрожь.

– Почему? – спрашиваю я, потому что ей так угодно.

Глаза Малины вспыхивают.

– Потому что ты в клетке, а я на воле.

Простое утверждение, но оно, подобно жестокому зверю, впивается мне в сердце острыми зубами.

Заметив что-то в выражении моего лица, Малина победно ухмыляется. Она переводит взгляд на того, кто меня держит.

– Можешь ее отпустить.

Мои ленты тут же отпускают человека и опускаются на пол.

Хватка на волосах ослабевает, напоследок меня еще раз прижимают лицом к решетке, после чего полностью отпускают. Чтобы не упасть, я хватаюсь за золотые спиралевидные прутья и осторожно касаюсь головы, заметив личного стражника царицы. Это здоровенный суровый мужлан с бородой и взглядом, полным ехидного самодовольства. Мне требуется все мужество, чтобы сдержать ленты и не придушить его.

– Помни свое место, наложница, – говорит царица Малина, и я вновь перевожу взгляд на нее. Она собирается уходить. – Ты всего лишь домашняя зверушка, на которую забирается Мидас. Реликвия, которую выставляют напоказ. – Она останавливается в дверях и смотрит на меня через плечо. – Еще раз увижу, как ты подслушиваешь, отрежу твои золотые уши.

Я сжимаю руки в кулак. «Вот же стерва», – звучит в голове, пока смотрю на королеву, но не осмеливаюсь произнести это вслух.

Малина кивает стражнику:

– Убедись, что она меня услышала.

Я хмурюсь от ее слов, и царица выходит. Стражник без предупреждения поворачивается и, просунув кулак между прутьями, ударяет меня в живот.

От удара я падаю на пол. От боли хватаюсь за живот, кашляю и стараюсь подавить тошноту.

– Слышала царицу? – фыркает он, возвышаясь надо мной.

– Я... слышала... – сдавленно выдыхаю я и злобно смотрю на него.

– Вот и прекрасно.

Не говоря больше ни слова, он поворачивается и выходит, тихо закрыв за собой дверь.

Чертовы Боги. Лучше бы я не вылезала сегодня из постели.

Глубоко подышав пару минут, я поднимаюсь с пола, но живот и голова так сильно болят, что забываю о том, что хотела зажечь свечи. Ковыляю к кровати. Светлая сторона? Прутья клетки хотя бы помешали им сделать со мной что похуже.

Как только я ложусь на кровать, ленты обвиваются вокруг меня как шелковые оболочки, которые хотят спрятать меня. Как кокон, скрывающий гусеницу.

Но я понимаю, что сон не идет не из-за Малины или ее стражника. И даже не из-за пульсирующей головы или ноющего живота. Дело в том, что время у меня на исходе. Потому что скоро войска подойдут к границам Четвертого королевства. И король Фульк получит свою награду.

Меня.

Глава 8

Мне до ужаса боязно просыпаться.

Обычно я просто не испытываю радости, поскольку не являюсь жаворонком. Частенько после выпитого вина у меня случается жуткое похмелье, поэтому просыпаться так рано я не люблю. К тому же меня не привлекает яркий солнечный свет. Я много лет не видела солнечных лучей.

Но когда сон окончательно от меня ускользает, я боюсь этого даже больше, чем моего обычного пассивного презрения к утру, потому как знаю, что сегодня истекло мое время.

Понятия не имею, откуда мне это известно – может, изменилась атмосфера. Может, дело в свирепом ветре, бушующем за окном – Вдова Гейл пронзительно плачет. Она предупреждает меня, что песок в песочных часах осел на дно, как камень в море, и больше не осталось свободных для подсчета песчинок.

Я открываю глаза и смотрю в окно, вздрогнув при виде туманного льда, изуродовавшего стекло. Убираю с тела свои ленты и издаю стон от того, насколько мне больно. Кожа головы и живот как один огромный синяк после вчерашнего жестокого обращения.

Я осторожно сажусь и оглядываю комнату вне клетки. Замечаю, что Дигби уже несет утренний дозор и стоит на страже. Жаль, что вчера вечером его не было рядом, но тут я сама виновата.

Когда мне исполнилось восемнадцать, я несколько месяцев спорила с Мидасом, чтобы он перестал отправлять ко мне на ночь стражников. Меня бросало в дрожь при мысли, что кто-то будет смотреть, как я сплю. В итоге он уступил и согласился предоставить мне личное пространство по ночам, но сейчас я несколько сожалею об этом решении.

Малина – царица, но сомневаюсь, что Дигби из тех мужчин, что позволил бы напасть на меня во время его дозора. Думаю, по меньшей мере он бы сообщил о происшествии Мидасу. В отличие от меня. Я не собираюсь рассказывать о случившемся Мидасу. Так я лишь еще сильнее разозлю Малину, а мне хочется этого меньше всего.

Вставать сегодня сложнее обычного, и я немного морщусь от тяжести в животе. Прищурившись, Дигби бросает на меня хмурый взгляд. Ему повезло, что он настолько наблюдателен.

– Расстройство желудка. Слишком много вина выпила, – вру я и для пущей убедительности легонько похлопываю по животу. Не хочу, чтобы он что-то заподозрил или задавал вопросы. Вопросы опасны.

Я поворачиваюсь и тру уставшие глаза, но ненароком замечаю висящее на одной перекладине клетки платье. Оно золотое и просвечивающее – настолько прозрачное, что едва ли его вообще можно счесть платьем.

Я стискиваю зубы и, вытянувшись в струнку, смотрю на него. Мидас доставил это платье специально для меня. Отправил послание – короткое и ясное.

Сегодня вечером я должна одеться как наложница. Сегодня вечером он выпустит меня из клетки.

Я смотрю на легкую ткань, на глубокий вырез, разрезы на тонкой юбке. Ленты свиваются в клубок, как и мои пальцы. Я сжимаю руки в кулак от напряжения и нахлынувших чувств. Появление этого платья идеально гармонирует со словами царицы Малины.

Ты всего лишь домашняя зверушка.

Реликвия, которую выставляют напоказ.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Highbell – в пер. с англ. «высокий колокол».

Купить: https://tellnovel.com/kennedi_reyven/blesk

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)